

УДК 801:2

А. В. БУСКИНА

Алтайский государственный
университет

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ «О НАЧАЛЕ ВРЕМЕН» В РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ КУМРАНСКОЙ ОБЩИНЫ (196 г. до н. э. — первая половина I в. н. э.)

Статья посвящена изучению актуального аспекта религиозной концепции «О начале времен» и его, литературному воплощению в текстах Кумранской общины, в условиях трансформации категории сакрального в гетеродоксальных кругах иудаизма эпохи II Храма. Анализ инновационных элементов в концепции сотворения мира, разработанной благочестивыми монахами, позволяет проследить эволюцию традиционной темпоральной модели Пятикнижия в контексте идеологических представлений Кумранской общины и выявить факторы возникновения этих элементов.

Обширный корпус реконструированных и опубликованных на сегодняшний день рукописей Мертвого моря текстов предоставляет возможность рассмотреть процесс становления концепции сакрального времени и проанализировать факторы трансформации ветхозаветной темпоральной модели в контексте эссеисто-кумранской литературной традиции II в. до н.э. — I в. н.э.

Содержательность представлений о времени в рукописях Мертвого моря связана с выделением таких смысловых координат, в которых фиксировалась бы эволюция некоторых элементов традиционного иудаизма и новаций, привнесенных кумранитами в понимание временных аспектов религиозности. Именно посредством их обеспечивались и концептуально обосновывались процессы взаимоперехода от прошлого Израиля к его будущему, отражающие в широком смысле особенности религиозно-сектантского восприятия истории.

Авторы кумранских сочинений пребывали в состоянии напряженного эсхатологического ожидания и, обращаясь к проблеме «исхода» времени, допускали несовпадение сотворения мира, описанного в Книге Бытия, с непосредственным началом истории. Сам процесс, начинаясь несколько раз, по мнению членов общины, проходил различными путями, но стремился к одной точке [1]. Подобное явление, вероятно, и создавало интенсивное эсхатологическое напряжение. В связи с этим проявилась особенность, свойственная иудаизму: «начало времени» как точка отсчета материальной истории и начало духовной истории не являются идентичными. Как и в ветхозаветной модели восприятия времени, сотворению мира в кумранских текстах отводится особое место [2]. До наших дней сохранились такие документы, как «Устав» (1Q S), «Благодарственные гимны», где зафиксирована в сложной аллегорической форме история сотворения: «И в муд-

рости своей Ты установил вечность, и до сотворения Ты знал все деяния их на веки вечные. Без Тебя ничто не сделается и ничто не будет познано без соизволения Твоего. И Ты сотворил всякий дух. . . и правосудие всякому их деянию. Ты разостлал небеса ради славы Твоей, все, что в них, по воле Своей, и духов силы по законам их, прежде чем стали они ангелами святыми. . . вечными духами во владычестве своем, светила с тайнами их, звезды тропами их, и все ветры сильные с ношей их, зарницы и молнии со служением их, кладовые со всем содержимым для потребностей их ради тайн их. Ты создал землю силою Своею, моря и бездны.. устроил Ты мудростью Своею, и все что в них определил Ты по соизволению Своему. . . для духа человека, которого создал Ты во вселенной на все дни вечности, на поколения их вечные. Ты разделил служение их по всем поколениям и правосудие [сбудется] в назначенное время, чтобы повелевать поколение за поколением. И возмездие, назначенное им со всеми поражениями их. . . Ты разделишь на всех их потомков, по числу поколений вечности и на все вечносущие годы. И мудростью Своего знания установил Ты предназначение прежде бытия их. И все произойдет по соизволению Твоему, и без Тебя ничего не свершится» (1Q Н I, 9:7-20 (1:7-20) [3]. Приведенный фрагмент включает в себе все основные идеи, которые, по представлению кумранитов, были заложены при сотворении мира. Во-первых, была высказана версия, согласно которой при сотворении устанавливается определенный порядок для всех вещей «на всю вечность» [4]. Причем в тексте присутствует немаловажная онтологическая установка: все сотворенное обладает началом, но, в соответствии с божественным замыслом, не имеет конца. Заметим, что последнее понятие носит условный характер, так как наряду с «концом времен», кумраниты, как и многие другие иудеи эпохи II Храма, все же ожидали наступления «мира грядущего».

Во-вторых, в описании замысла сотворения мы встречаемся с актуализацией идеи всеобщего предопределения, которая представляла особую значимость для авторов текстов, выступая в качестве связующего звена для дуалистического мировоззрения и целого ряда аспектов религиозной идеологии кумранской общины. В приведенном выше фрагменте текста раскрывается сюжет о предначертанной участи всего сотворенного, но первостепенное значение для кумранитов имело все-таки индивидуальное предопределение участи («жребия») человека. Наиболее отчетливо этот мотив присутствует в «Уставе» общины в наставлении о двух духах, входящее: «От Бога знания все сущее и должное быть. Прежде бытия их основал Он каждую мысль их, и существованием своим они подтверждают его славный замысел, исполняют работу свою, не изменяя ничего. В руке Его законы всему и Он обеспечивает все нужды их. И Он сотворил человека править миром, и положил ему два духа, руководствоваться ими до срока возмездия Его: это дух правды и беззакония. В пристанище света - родословие правды, а из источника тьмы — родословие беззакония» (1QS 3:15-19) [5]. Представляется, что в этих изречениях присутствует и определяющая весь исторический процесс дихотомия двух сущностей вместе с предопределенным исходом (1QS 4:17-18), и эсхатологическая история, которая, впоследствии, в сознании кумранитов окажется, соединена с возникновением общины «сынов света». Гимнологическая форма

этих утверждений обладает явными чертами сходства с «Благодарственными гимнами», которая при этом отражала не только глубину патетического преклонения перед величием премудрости Бога, но и отвечала «дидактическому» замыслу автора помочь читателям, из числа кумранских монахов, сплотиться, усвоив предназначение и мотивировку перехода в «пристанище света - родословие правды». Этот же фрагмент допускает интерпретацию, эксплицитно выражающую идею, пронизывающую множество текстов, как написанных общиной (1Q Н 1:22, 4:13; 11:8; 18:22; 12:13; 14:12 - 14; 15:12; 18:10; 1Q S 3:16; 11:11; 18 — 19; 1Q М 13:2), так и воспринятых ею извне (CD 2:7-8) и Книга Еноха 9:11) относительно предопределенности возникновения и осуществления всей мировой истории, всего будущего мироздания и, собственно, общины в «надмирном» Разуме Бога. Благодаря обоснованию, содержащемуся в приведенном выше фрагменте текста, круг идей праведных монахов оказывается, вписан в некое идеальное, пространство «должного» мира, пространство вначале сакральное, а затем, - утопическое.

Следует отметить, что кумранская концепция предопределения распространялась прежде всего на жизненный мир каждого человека, включая его мысли, поступки, высказывания, которые изначально свершались в идеальной (дотварной) проекции: «...и прежде, чем Ты сотворил их, Ты знал все их деяния до скончания века, ибо без Тебя ничего не делается, и ничто не познается без Твоей Воли...И мудростью Знания Ты утвердил их удел, прежде их бытия. Все уже начертано [«выгравировано»] пред Тобой в записи скрижалей Памяти на все периоды вечности. Ты сотворил дух языка, и ты знаешь его слова, и ты утвердил плод уст, прежде чем они стали существовать» (1Q Н 1:8 — 9; 20 — 21; 28 — 29). Необходимо подчеркнуть, что подобное восприятие действительности позволяло членам общины мыслить себя заранее спасенными, а также оно оказывало влияние на достаточно жесткое отношение к находящимся вне общины, считая их заведомо потерянными для праведной жизни. Вероятно, именно в свете сказанного находит объяснение не столько сектантская экзальтация, сколько непреклонная вера монахов в осуществлении великих пророчеств и предвестий лидера общины Учителя Праведности, что убедительно подтверждается текстуально, а также содержанием «коммунитарного» уклада кумранской общины.

В-третьих, в приведенной цитате из «Благодарственных гимнов» содержится примечательное положение о разделении истории, при ее сотворении, на определенные периоды - поколения, что является весьма значимым для дальнейшего анализа понятия «юбилеев» в формировании кумранской концепции времени. В кумранской картине мира деление истории на эпохи, по всей видимости, тоже воспринималось как изначально заданное: «...периоды, до сотворения установил Он, чтобы завершить все сущее и грядущее, и свершения их по всему порядку периодов, период за периодом. И это выгравировано на небесных скрижалях для сынов человеческих на все периоды их владычества» (4Q 180 1:1-4) [6]. Эта идея, очевидным образом, вытекает из общего учения и предопределения, и конкретизирует его. Опять же, с этой кругом воззрений, пронизывающих значительную часть текстов общины связана и фундаментальная для монахов идея, что все в историческом процессе, и прежде всего установленные в нем

периоды, регулируются в соответствии с «тайнами Бога», существующими уже при сотворении. В данном случае для нас представляет немаловажное значение тот факт, что такая установка сыграла роль исчерпывающего обоснования самоизоляции кумранитов от других религиозных группировок.

Таким образом, изучение отдельных аспектов концепции времени в контексте религиозной идеологии кумранитов позволяет сделать вывод, что история всего мироздания, и в прошлом, и в настоящем, и в будущем, была непосредственно связана с историей общины. Кумранская версия процесса сотворения мира, содержит в себе комплекс идеологических установок для понимания священной и мирской истории в период II Храма. Возникнув в ситуации кризиса, связанного с разрушением традиционных представлений о сакральном, авторы кумранских свитков предложили новую темпоральную систему, в центре которой находилась сама община. Временной континуум представлялся кумранитам не текущим, а «исполняющимся», где прошлое оказывается знаком настоящего, будущее — проекцией настоящего времени. Большая часть того, что говорится в кумранских текстах о сотворении, вытекает непосредственно из временной модели Пятикнижия, следование которой для монахов — традиционалистов представлялось принципиально важным. Однако в кумранском варианте, вследствие актуализации эсхатологических настроений, особенно сильно повлиявших на восприятие истории, был значительно усилен элемент предестинации. Представляется логичным предположить, что подобная интенсификация происходит вследствие изоляции общины от остального мира, высокой степени религиозной экзальтации, подкрепленной верой в собственную вечную избранность, а также претензиями на обладание особым божественным откровением, недоступным никакой другой из современных кумранитам групп.

Следует отметить, что ход исторического процесса воспринимался кумранитами как история религиозно-этических взаимоотношений Творца и «сынов света» (как они называли себя). Кроме того, посредством рассматриваемого обострения фактора предопределения, понимание временной протяженности сводится к некоторой парадоксальности: в сотворении она максимально растянута, поскольку ей предстоит длиться вечность, и максимально сжата, поскольку уже осуществилась. Подводя итог, следует учитывать, что специфика кумранского истолкования процесса сотворения имеет первостепенное значение для анализа представлений о временном континууме в целом, включая эсхатологические составляющие, а также для выявления взаимосвязи «священного» и «мирского» времени.

Библиографический список

1. О влиянии апокалиптических настроений на восприятие истории см. Collins J.J. *The Apocalyptic Imagination. An Introduction to Jewish Apocalyptic Literature*. Cambridge, 1998. PP. 145 - 176.
2. Анализ темпоральной лексики и текстологических особенностей пассажей, отражающих кумранскую версию сотворения мира см.: Ringgren H. *The Faith of Qumran: Theology of the Dead Sea Scrolls*. New York, 1995.
3. Первая нумерация источника приводится по изданию Martinez F.G., Tighelaar E.J. *C The Dead Sea Scrolls. Study Edition*. Leiden, Boston, Koln, VV. 1-2, 1997 - 1998. Вторая нумерация — по изданию Sukenik E.L. *The Dead Sea Scrolls of the Hebrew University*. Jerusalem, 1954. 538 p. В настоящее время в зарубежном кумрановедении предпочтение отдается нумерации Э.Л. Сукеника.
4. Подробнее о частотности употребления понятия «вечность» (свет) в рукописях см. Brin G. *The Concept of Time in the Bible and the Dead Sea Scrolls*. Leiden, Boston, Koln, 2001. PP. 277 - 293. Особое внимание Г. Брин обращает на то, что в рукописях этот термин применяется не только ко времени, но и к пространству. Пространственного значения термина почти не встречается в Библии, но довольно распространено употребление в интертестаментальной литературе, в частности в текстах Кумрана.
5. О возможном зороастрийском происхождении учения о двух путях, а также о развитии учения в еврейской традиции см. Collins J.J. *The Apocalyptic Imagination. An Introduction to Jewish Apocalyptic Literature*. Cambridge, 1998b. PP. 153 - 155; Philonenko M. *La Doctrine Qoumranienne des Deux Esprits // Apocalyptique Iranienne at Dualisme Qoumranien*. Paris, 1995. pp. 163 - 211.
6. Приведенная цитата из текста, получившего название «Периоды сотворения» (4Q180), реконструированного из восьми фрагментов текста, написанных позднеевроданским официальным письмом. Большинство исследователей на основании встречающейся терминологии квалифицируют текст как сочинение общины см.: Dimant D. *The Peshier on the Periods (4 Q180 and 4Q181)*. II *Israel Oriental Studies* 9, 1979. PP. 77 - 102. Уникальность текста в том, что хотя он и относится к жанру комментариев, но все же поясняет не столько библейский текст, сколько тему истории.

БУСКИНА Александра Валерьевна, соискатель кафедры археологии, этнографии и источниковедения исторического факультета.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.12.2006 г.

© Бускина А.В.

Книжная полка

Издания Современного гуманитарного университета (Москва)

Джекобсон М. Преступление и наказание в русском песенном фольклоре (до 1917 года) / М. Джекобсон, Л. Джекобсон. — М.: Издательство СГУ, 2006. — 503 с.

Этот сборник является наиболее полным собранием фольклорных песен о преступлениях и наказаниях, сочиненных и исполнявшихся в России до 1917 года. В него входят песни разных жанров: от былин до исторических, разбойничьих, тюремных, семейно-бытовых и революционных песен. Ни один другой сборник не ставил такой задачи.

Для студентов, аспирантов, фольклористов, историков.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, НОМИНИРУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА ПО СОЦИАЛЬНЫМ СВОЙСТВАМ И СОСТОЯНИЯМ, КАК ОБЪЕКТ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В статье ставится проблема описания во фразеографической практике фразеологических единиц, номинирующих человека по его социальным свойствам и состояниям. Сопоставительный анализ словарей проводился в следующих аспектах: количественный анализ фразеологизмов, корректность передачи значения, фиксация грамматических, синтаксических и стилистических помет, а также попытка отобразить динамику в образовании новых фразеологизмов, объективирующих общество на современном этапе развития.

Процесс языковой номинации носит антропоцентрический характер: языковое структурирование реальной действительности выдвигает на первый план языковые единицы, объединенные общим значением «человек». В лексикографической и фразеографической практике эта сфера получила отражение в словарях и специальных исследованиях: так, М.А. Алексеенко делает попытку систематизированного описания русского диалектного фразеологического материала, объединенного общим значением «человек» [1]; глубокие исследования в этой области представлены в Русском семантическом словаре Н.Ю. Шведовой [4]; Р.И. Яранцев в «Словаре-справочнике по русской фразеологии» описывает ФЕ, связанные с эмоциональной сферой человека [11].

Социальные признаки человека — одно из важнейших составляющих языковой модели человека. Понятие социальные характеристики человека является сложным, включающим в себя социальный статус, происхождение, принадлежность к классу, имущественное положение, место и роль в обществе, жизненный успех, социально-значимую деятельность и др.

Анализ фразеологических словарей показал, что ФЕ названной семантической группы представлены в разном количественном соотношении: в словаре под ред. А.И. Федорова описываются 163 ФЕ, в словаре под ред. А.И. Молоткова (далее ФСРЯ) — 63 ФЕ, в учебном фразеологическом словаре А.М. Чепасовой — 25 ФЕ [6; 7; 10]. Презентация материала отражает теоретические установки составителей словарей.

Так, в ФСРЯ приводятся различные формы употребления ФЕ, определены и истолкованы разные значения фразеологизмов, каждое значение иллюстрируется цитатами из художественных произведений русской литературы 19-20 вв [7: 5]. Приведем пример словарной статьи:

КОПТИТЕЛЬ НЕБА. Устар. Человек, живущий бесцельно, без пользы для других; человек, праздно проводящий жизнь. [Тентетников] был не то доброе, не то дурное существо, а просто — коптител неба. Так уж не мало есть на белом свете людей, которые коптят небо, то почему ж и Тентетникову не коптить его? Гоголь, Мертвые души. Они [Шамилов и подобные ему] должны сказать: мы лишние люди, нас

нельзя пристроить ни к какому делу, но если бы нас иначе воспитывали и иначе направляли бы в молодости, мы, может быть, не обременяли бы собой земли и не относились бы к коптител неба. Писарев, «Писемский, Тургенев и Гончаров» [7: 206].

Словарь под редакцией А.И. Федорова задуман как максимально полное справочное пособие по русской идиоматике. Словарная статья строится следующим образом: ФЕ помещается за тем словом, которое определяет структуру оборота, его функционально-стилистический тип. ФЕ с лексическими вариантами в компонентном составе, если последние вносят отличия в семантику фразеологизмов или в его стилистические качества, выделяются в самостоятельные статьи [6: 6]. Приведем пример словарной статьи:

ВЕЛИКИЕ МИРА СЕГО. Устар. Люди, занимающие высокое общественное положение. — Вы, я знаю, привыкли к роскоши, к удовольствиям, но и великие мира сего не гнушаются провести короткое время под покровом хижины. Тургенев. Отцы и дети.

СИЛЬНЫЕ МИРА СЕГО. Книжн. Ирон. Самые влиятельные, могущественные люди, занимающие высокое общественное положение. В большинстве случаев лица, попавшие в театр по протекции «сильных мира сего», недолго удерживались в нем. Д. Похитонов. Из прошлого русской оперы [6: 67, 239].

Фразеологический словарь, составленный А.М. Чепасовой, сочетает в себе черты учебного и справочного пособия, содержит 554 ФЕ. Большое внимание в пособии уделяется многосторонней характеристике фразеологизмов, которая состоит из толкования значения, указания на варианты формы, омонимы, антонимы, если они есть, из этимологической справки, перечисления имеющихся морфологических категорий [10: 3]:

БЕЛАЯ ВОРОНА — «кто-либо, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих». В речи употребляется в основном в форме единственного числа, именительного падежа в роли именной части сказуемого (Вы не только белая ворона, но и феномен; курящий в институте — это ЧП, белая ворона); в сочетании со сравнительными союзами как, словно формы именительного падежа являются приложением, в форме творительного падежа без предлога употреб-

ляется в роли именной части сказуемого (был, есть и буду для них белой вороной, ... иначе стану белой вороной и меня изгонят из стаи...). Употребляется в форме других падежей, например, винительного с предлогом *на* и союзом *как* (посмотрели бы на тебя как на белую ворону) [10: 4].

Семантические множества ФЕ, обозначающих социальные характеристики человека, в количественном соотношении также по-разному представлены в словарях. Приведем данные в таблице 1.

Несомненно важность полноты и точности семантизации ФЕ. В лексикографической практике давно используются такие способы толкования значений, как синонимический, абстрагирующе-уточняющий, конкретизирующий, описательный, антонимический, дистрибутивный, толкование через значение структурных элементов, толкование по отношению (термины родства, относительные прилагательные, по отношению к признаку, по отношению к действию), отсылочный [3: 36]. При толковании значения языковой единицы учитывается принадлежность к категории. Так, значение предметных фразеологизмов передается существительными, местоимениями обобщенно-предметного значения, субстантивированными прилагательными и причастиями: артист своего дела — «человек, выполняющий свое дело с большим искусством и любовью», бесплодная смоковница (2) — «кто-либо не имеет никаких результатов, достижений, чья деятельность бесплодна», гарнизонная крыса — «военнослужащий, долгое время находящийся в гарнизоне». В ФСРЯ значение предметных фразеологизмов чаще всего толкуется именным описательным оборотом: синий чулок — «женщина, лишенная женственности, обаяния и всецело поглощенная книжными, научными интересами» [7: 530]. В словаре А.М. Чепасовой и словаре под редакцией А.И. Федорова значение ФЕ передается при помощи нескольких типов толкования:

- описательного: артист в душе — «человек от природы одаренный способностями к перевоплощению»;
- синонимического: бог войны (2) — «артиллерист», святая братия — «монахи, иноки», крылатый всадник — «1. конный воин. 2. авиатор» [6: 18, 32, 43, 104], золотая киса (мошна) — «богач» [10: 7];
- конкретизирующего: живой товар — «люди (рабы-негры, проститутки, дети), которыми торгуют» [10: 12].

В анализируемых словарях встречаются случаи расхождения в передаче значения, обычно это связано с проблемой разграничения полисемии и омонимии ФЕ. Так, сравните ФЕ золотые руки — «1. экспресс. мастер, искусный в своём деле. 2. у кого. кто-либо может сделать всё, за что бы ни взялся. 3. мастерство, умение безукоризненно делать что-либо» [6: 204], и золотые руки — «умелец(-льцы), мастер(-а), искусник(-и)» [10: 7].

Значения некоторых ФЕ передаются с дополнительными оттенками, которые появляются вследствие новых вариантов употребления в речи и убедительно доказываются материалами картотек, ср.: великие мира сего — «устар. люди, занимающие высокое общественное положение» [6: 67] и «люди, признаваемые в обществе как необыкновенно одаренные, гениальные в чем-либо» [10: 11]. А.М. Чепасова отмечает примеры необычного употребления фразеологизмов в речи, которое характеризуется в зависимости от частотности как индивидуально-авторское или как новое значение: первая скрипка — «человек, от которого очень много зависит в каком-либо деле» (вопрос о первых скрипках большого венского чемпиона-

та по хоккею) и, возможно, новое значение «что-то очень важное в какой-либо деятельности, в чем-либо» (показателю номенклатуры с учетом выполнения заказов надо передать первую скрипку) [10: 9].

Отметим, что в ФСРЯ и в словаре А.М. Чепасовой приводятся фразеологические синонимы и антонимы: птица высокого полёта — «влиятельный человек, занимающий видное положение в обществе» (антоним птица низкого полета), Христова невеста — «устар. 1. монахиня. 2. немолодая женщина, не бывшая замужем» (синоним старая дева) [7: 368, 273], черная кость (черный народ) — «лица недворянского происхождения» (см. противоп. белая кость) [10: 16].

К проблеме стилистической характеристики ФЕ авторы словарей подходят по-разному. Так, А.И. Молотков в предисловии к словарю пишет: «при современном состоянии изучения фразеологизмов, когда нет точных данных для стилистической и историко-временной оценки ... возможна лишь самая общая стилистическая и историко-временная оценка фразеологизмов, включаемых в словарь» [7: 19]. Анализируемые нами ФЕ подаются в словаре с разными стилистическими пометами: шутл., ирон., пренебр., неодобр., бран. и др.: чернильная душа — «пренебр. бюрократ, чиновник, формалист», маг и волшебник — «шутл. всемогущий человек, делающий все легко и быстро» [7: 234].

А.И. Федоров отмечает, что основное назначение ФЕ — передача эмоциональной оценки: «Почти каждый фразеологизм обладает экспрессией. Значит, эту помету надо бы ставить за каждым помещенным в словаре фразеологизмом, что было бы излишним. Помета экспресс. употребляется для характеристики тех ФЕ, содержание которых указывает на интенсивное проявление качества, признака, действия и передает эмоциональное отношение к ним при выражении мысли» [6: 12]: артист своего дела — «разг. экспресс. человек, выполняющий свое дело с большим искусством и любовью». Пометы ирон., шутл., неодобр., грубо-прост., презр., пренебр. сами по себе указывают на конкретные экспрессивные качества характеризуемых ФЕ, поэтому помета экспресс. при них опускается: архивная крыса — «презр. служащий архива; сотрудник, много лет проработавший в архиве» [6: 19, 334].

В словаре А.М. Чепасовой небольшое количество ФЕ имеет пометы коннотативного характера: голубая кровь часто ирон. — «люди дворянского, аристократического происхождения» и золотая молодежь презрит. — «бездельничающие, прожигающие жизнь молодые люди из дворянско-буржуазных слоев общества» [10: 11, 12]. Автор объясняет это тем, что «характер эмоционального и другого отношения говорящего к другому лицу, обозначаемому ФЕ, определяется социальной ситуацией, отношением субъекта высказывания к адресату. У одной и той же ФЕ в разных ситуациях может проявиться одно и то же отношение с разной степенью выраженности и может быть выражено другое, соответствующее именно данной социальной ситуации, эмоциональное отношение» [8].

Грамматические свойства ФЕ и синтаксические функции, как правило, не являются предметом описания в словарях. Исключение составляет только учебный толковый словарь А.М. Чепасовой. На важность изучения фразеологизмов с этой стороны указывал академик В.В. Виноградов: «Меньше всего подвергалась глубокому анализу и лингвистической дифференциации синтаксическая и вообще грамматическая структура фразеологических единиц в их

типизированном и индивидуальном употреблении» [Виноградов 1969, 10]. В словаре А.М. Чепасовой система грамматических помет представлена широко. Приведем пример словарной статьи:

БЕЛАЯ КОСТЬ — «*дворяне как представители знатного происхождения*». Употребляется только в форме единственного числа. Возможны все падежные формы, но чаще употребляются именительный в роли приложения и именной части сказуемого и творительного тоже в роли именной части сказуемого (москвичи всегда казались мне белой костью; он — Вадим Рошин, строевик, дворянин, белая кость; вражда белой и черной кости) [10: 11].

Автор фиксирует все грамматические формы ФЕ и синтаксические функции, выполняемые ФЕ в предложении и тексте. Для сравнения: А.И. Федоров пишет в предисловии, что в словарных статьях «при характеристике морфологических признаков именных фразеологизмов следовало бы представить все их формы, известные в языке, но пока эта задача не может быть решена из-за ограниченности имеющихся сведений о парадигматических формах именных ФЕ» [6: 12].

Попытка отобразить динамику образования новых ФЕ представлена в словаре Г.Н. Складневской [5]. Автор очень осторожно подходит к фиксации новых ФЕ. Собственно новых фразеологизмов с категориальным значением предметности, репрезентирующих социальные свойства человека, автор выделяет две: ночная бабочка — «о проститутке», твердая (сильная) рука — «о диктаторской, авторитарной форме правления» [5: 43, 682]. Среди устойчивых сочетаний, на наш взгляд, в словаре есть такие, которые обладают признаками фразеологизма: новый русский — «российский предприниматель и коммерсант, занявшийся бизнесом и быстро разбогатевший», вор в законе — «преступник, совершающий крупные хищения и пользующийся особым авторитетом и особыми правами в преступной среде», богатенький Буратино — «о состоятельном человеке, располагающем в данный момент деньгами», фирменная девочка — «привлекательная, модная и достаточно обеспеченная девушка» [5: 514, 153, 80, 201].

Отметим, кстати, что в некоторых фразеологических словарях, например, историко-этимологическом словаре под редакцией А.К. Бирих и В.М. Мокиенко, некоторые перечисленные выше устойчивые сочетания относятся к разряду новейших фразеологизмов [2].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что предметные ФЕ, номинирующие человека по социальным свойствам и состояниям, широко представлены во фразеографии. В словарях отмечается динамика в образовании новых фразеологизмов, объективирующих общество на современном этапе развития.

Библиографический список

1. Алексеенко М.И., Литвинникова О.И., Белоусова Т.П. Человек в русской диалектной фразеологии: Словарь — М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004 г. — 238 с.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М. Историко-этимологический словарь. С.-П., 2005 г.
3. Павлова Н.А. Введение в науку о языке. Омск: Инициатива, 1992.
4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. акад. Н.Ю. Шведовой. М., 2000.
5. Толковый словарь новейших словоизменений XX века. Г.Н. Складневская. — С.-П.: Астрель, 1998.
6. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / Сост. А.И. Фёдоров — Новосибирск: «Наука». Сиб. изд. Фирма РАН, 1995.
7. Фразеологический словарь русского языка/ Под ред. А.И. Молоткова. — М.: «Советская энциклопедия», 1967.
8. Чепасова А.М. Предметные фразеологизмы русского языка / А.М. Чепасова. — Челябинск: Изд-во ЧПГУ, 2003 г. — 267 с.
9. Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособ. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. — 144 с.
10. Чепасова А.М. Фразеологизмы в нашей речи: Учебно-толковый словарь. — Челябинск: Изд-во ЧПГУ, 2000.
11. Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии: Ок. 800 фразеологизмов: - М.: Русский язык, 1981. — 301 с.

ЛАПШИНА Олеся Геннадьевна, аспирант кафедры русского языка, литературы и методики их преподавания.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.06.2007 г.
© Лапшина О.Г.

Книжная полка

Бройтман С. Н. Историческая поэтика: Хрестоматия-практикум: учеб. пособие: Рекомендовано УМО. — М.: ИЦ «Академия». — 352 с.

Историческая поэтика — часть теории литературы, изучающая возникновение и развитие как самой литературы, так и основных теоретических категорий, отражающих ее движение. В хрестоматии собраны и систематизированы статьи авторитетных ученых-литературоведов по всем темам исторической поэтики. К каждой теме предлагается система вопросов и заданий для лучшего понимания и усвоения материала.

Может быть рекомендовано студентам и преподавателям вузов, аспирантам и научным работникам, а также абитуриентам и учителям-словесникам.

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ И НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Статья представляет собой обзор литературы, посвященной проблеме заимствования и появления заимствованных слов в английском и русском языках как результата процесса языкового взаимодействия. Автор также освещает существующие направления изучения данного явления и приводит взгляды лингвистов на классификацию причин заимствования.

Взаимодействие языков является характерной чертой любой лингвистической ситуации, т.к. оно носит многоаспектный характер, его проявления разнообразны, а последствия ощутимы и значительны. В социолингвистике изучение этих проблем всегда актуально, потому что рассмотрение какого-либо языка вне его связей с другими языками возможно лишь с долей условности. В. Розенцвейг утверждал, что проблема языковых контактов, и как логично предположить, вопрос заимствований, из чисто теоретического перерос в вопрос общественной и государственной практики [1].

Важнейший процесс при взаимодействии языков - это взаимное проникновение иноязычных элементов в структурных моделях, называемое в литературе традиционно заимствованием. Изучение этих явлений в различных языках имеет длительную историю, но в понимании сущности заимствования и в классификации его типов расхождения достаточно велики. Выдающийся лингвист академик Л.В.Щерба неоднократно подчеркивал, что «слова одного языка не просто соответствуют словам другого языка, а находятся с ними в весьма сложных и многообразных отношениях» [2].

Заимствованные слова - это лексика, которую осваивает носитель одного языка, беря ее из другого, так называемого языка-источника. Если говорить о заимствованиях абстрактно, то можно сказать, что это процесс адаптации слов из языка-источника в языке-реципиенте. Сам термин «заимствование» далеко не однозначен, а напротив, носит метафорический характер, поскольку в действительности слово как не покидает родной язык навсегда, так и не возвращается в него обратно. Эти слова просто используются сообществом, говорящим на другом языке, поэтому, некоторые языковеды указывают, что языковое заимствование представляет собой в большей степени присвоение. Этот процесс похож на имитацию, в связи с тем что элемент не изымается из языка-источника, а лишь служит образцом, по которому в воспринимающем языке создается более или менее близкая копия. Обилие точек зрения на заимствование объясняется не только различием подходов к проблеме, а чрезвычайным разнообразием явлений, относимых к этой категории, в связи, с чем в основу разных дефиниций кладутся типологически разные результаты языкового взаимодействия. Этим объясняются существующие разногласия относительно степени проникаемости грамматических систем для иноязычных интрузий. Прежде всего это вопрос о значении заимствований при исследовании историко-культурных проблем. Заимствованиям отводится едва ли не перво-

степенная роль и в том случае, когда на первый план выдвигается социальная функция языка, как средства общения и необходимость использования интернационализмов при создании терминологии. В языковедческом аспекте проблема заимствований актуальна в силу того, что заимствования рассматриваются как один из важнейших рычагов усовершенствования языка путем обогащения его словарного состава и как один из факторов дальнейшего развития структуры языка, так как «теперь твердо установлено, что базовые структуры языка постепенно изменяются в ходе языковых контактов с другими языками» [3].

Традиционно проблема заимствований занимает важное место в ряду проблем культуры речи, нормы языка, а также соотношения функционирования языков в условиях тесного контактирования. Выделяется несколько направлений в изучении заимствований:

1. Отмечается факт заимствования, но не указывается, как проходил этот процесс. Отличительная черта работ в этом направлении — стремление представить исчерпывающе полные списки лексем, заимствованных в исследуемый период.

2. Ставится цель определить причины заимствований языком отдельных лексем или целых их разрядов. Основной задачей является наиболее полное определение источников, участвовавших в пополнении лексики рассматриваемого языка. Вторая задача — объяснение причин заимствования, которая решается исходя из экстралингвистических критериев. Выполнение этой задачи предполагает анализ конкретных фактов языка-реципиента, определение соотношения в нем исконных и заимствованных элементов, изменения и сдвиги в системе, обусловленные иноязычным влиянием.

Специфика взаимоотношений заимствований и языкового взаимодействия состоит в том, что «заимствование представляет собой лишь один из видов языкового взаимодействия» [4]. Само «взаимодействие при этом определяется как комплекс явлений, развивающихся после установления языковых контактов» [5]. При понимании заимствований как элементов, перенесенных из одного языка в другой, выделяют в первую очередь, лексические заимствования, реже говорят о заимствованиях в области грамматики, считая их вторичными явлениями, возникшими на основе лексических. Так, например, Хауген пишет, что все заимствования являются лексическими, то есть переносом лексем по аналогии из одного языка в другой, тогда как фонетические, акцентные, морфемные элементы выводятся на основании анализа привнесенных лексем» [6].

Есть также возможность однозначного понимания термина «заимствование»: «Заимствованные в языке слова, а так же отдельные элементы их (корни, приставки, суффиксы) и отдельные выражения в данном языке перенятые, усвоенные из другого языка в результате общения между народами» [7]. В составе заимствованных лексических единиц выделяют две наиболее общие группы: ассимилированные и неассимилированные слова. По отношению к ассимилированным чаще используется термин «заимствование», а неассимилированные именуются «иностранными словами». Но в основу деления слов на ассимилированные и неассимилированные положен помимо генетического также принцип понятности слова для носителей данного языка, что, в свою очередь, связано с распространенностью и употребительностью слова. Но использование только термина «ассимиляция» для обозначения и самого процесса, а равно и его результата является не совсем корректным и правомерным. Наряду с данным термином в лингвистике также широко распространены такие варианты, как: «процесс ассимиляции» и «степень ассимиляции». Это помогает разграничить разные подходы к рассмотрению вопроса ассимиляции заимствований. В зависимости от адаптации в языке-реципиенте иноязычные слова могут называться по-разному: «собственно заимствования», «усвоенные слова», «неусвоенные слова», «укоренившиеся слова», «экзотизмы», «варваризмы» и т.д. Такая терминология базируется на признаках сферы — частоты употребления и степени ассимиляции заимствованного слова. При исследовании проблем заимствования спорным часто также является вопрос о заимствовании и интерференции. Ряд авторов настаивают на разграничении этих понятий. Так, например, Ю.Н. Караулов пишет: «Источники языковых изменений принято делить на три группы — лингвистические, частично-лингвистические и экстралингвистические. Заимствования, в отличие от чисто лингвистического продукта языковых контактов — интерференции, занимают в этом ряду промежуточное место, относясь по средствам воздействия на язык к лингвистическим, а по причинам — к экстралингвистическим явлениям» [8]. В теории взаимодействия языков в свете проблемы языковых контактов Вайнрах определяет интерференцию, как «случай отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных... вследствие языкового контакта» [9]. В данной связи Вайнрах выделяет три вида интерференции:

- фонетическую — отождествление фонемы вторичной системы с фонемой первичной и воспроизведение ее по фонетическим правилам первичного языка;
- грамматическую — влияние морфологической системы одного языка на морфологическую систему другого;
- лексическую — воздействие словаря одного языка на словарь другого.

В свою очередь, Хауген все случаи лексической интерференции обозначал термином «заимствование» - «borrowing». Он же предложил свою классификацию заимствований, выделяя в ней два основных типа:

1. Заимствованные слова (loan words), подразделяющиеся на собственно заимствования (pure loan words) и гибридные заимствования (loan blends) в зависимости от того, переносятся ли иностранные морфемы полностью или частично.

2. Заимствования — сдвиги (loan shifts), подразделяющиеся на расширения (extensions) и создания (creations) в зависимости от того, используют ли они некоторую комбинацию элементов родного языка, существующую до заимствования, или строят новую [10].

Л.В. Щерба в прямую зависимость от характера билингвизма ставил природу результатов актов перенесения единиц одного языка в другой, не называя это интерференцией. Он выделял «заимствования в собственном смысле слова, сделанные данным языком из иностранных языков» и «изменения в том или ином языке, которым он обязан влиянию иностранного языка», а также «факты, являющиеся результатом недостаточного усвоения какого-либо языка» [11]. Отсюда следует, что с точки зрения теории взаимодействия языков, заимствование, отождествляемое с интерференцией, можно рассматривать и как случай нарушения языковой нормы на лексическом уровне в процессе языкового контакта и как результат такого нарушения. Подобные параметры можно применить и к интернациональной лексике, в свою очередь также возникающей в ходе и результате языковых контактов и воздействующей на лексическую систему языка-реципиента. Билингвизм также является одной из важнейших характеристик возникновения интернациональной лексики, так как для возникновения необходимы как минимум два соприкасающихся языка. Интерес представляет взаимоотношение заимствований и интернационализмов. Интернациональность предполагает общность языков (что не является необходимым условием для возникновения заимствований), культуры и их сближение. Говоря о сближении культур, надо отметить в качестве источника возникновения интернационализмов языковой контакт, который является также источником появления заимствований. Вайнрах считал, что «два или несколько языков находятся в контакте, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо» [12]. Чем большее количество языков воспринимает слово без принципиальных изменений в звуковой форме и семантическом наполнении, тем больше вероятности говорить о его интернационализации. Интернационализмы можно так же рассматривать и как переводные эквиваленты друг друга, поскольку, употребляясь в разных языках такие лексические единицы, обозначают одни и те же понятия.

Представляет интерес классификация причин заимствования, предложенная Крысиным Л.П., основанная на достаточно четкой дифференциации языковых и неязыковых причин. Так, в работе «Иноязычные слова в современном русском языке» он указывает, что Э. Рихтер основной причиной заимствования слов считает необходимость в наименовании вещей и понятий [13]. Л.П. Крысин акцентирует сферу использования иноязычной лексики и вместе с этим обращает внимание на социальные моменты:

1. Потребность в наименовании новой вещи, нового явления и т. п.
2. Необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия.
3. Необходимость специализации понятий - в той или иной сфере, для тех или иных целей.
4. Тенденция, заключающаяся в том, что цельный, не расчлененный на отдельные составляющие объект и обозначаться должен «цельно», нерасчлененно, а не сочетанием слов.
5. Социально-психологические причины и факторы заимствования: восприятие всем коллективом говорящих или его частью - иноязычного слова как более престижного, «ученого», «красиво звучащего», а также коммуникативная актуальность обозначаемого понятия [14].

Вслед за Л. П. Крысиным М. А. Брейтер выделяет следующие причины заимствований:

1. Отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора.

2. Отсутствие соответствующего или более точного наименования, а равно и его «проигрыш» в конкуренции с заимствованием в языке-рецепторе.

3. Обеспечение стилистического (эмфатического) эффекта. Эмфатическая функция может быть обусловлена и омофонией, соединяющей межъязыковые смыслы. Действие этого фактора нечастое и рассчитано на высокую степень языковой компетенции говорящих.

4. Выражение позитивных или негативных коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-рецепторе [15].

Принимая во внимание заимствуемый характер интернациональной лексики, следует сказать, что эти два явления в языке не являются тождественными. По мнению В.В. Акуленко, невозможность их отождествления состоит в том, что «интернационализмы являются объективно существующей межъязыковой категорией синхронии со своими специфическими характеристиками, а заимствования - суть вспомогательное построение исследователя, условная для синхронии группа фактов, вычленяемых на основе совершенно иных диахронических критериев» [16].

Библиографический список

1. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике, вып. 6. — М.: Прогресс, 1972. — с. 5-22
2. Русско-французский словарь под редакцией проф. Л.В. Щербы. Гос. изд. иностр. и нац. словарей, Москва, 1939, Предисловие.
3. Леман Л.Ф. Индоевропеистика сегодня // Вопр. языкознания. — 1987. - № 2. — с. 22.
4. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. — Киев: Вища шк., 1974. — с. 25

5. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. — Киев: Вища шк., 1974. — с. 17

6. Haugen E. Bilingualism, language contact and immigrant language in the United States. A research report 1956 — 1979 / Current trends in linguistics — The Hague — Paris, 1973. — Vol. 10. — Linguistics in North America. — p. 589.

7. Нечаев Г.А. Краткий лингвистический словарь. — Изд-во Рост. ун-та, 1976. — с. 52.

8. Караулов Ю.Н. Обратный словарь заимствований как способ изучения лингвозкологии // Научн. докл. высш. шк. — 1979. — т. 38. - №6. — с. 552.

9. Вайнрах У. Языковые контакты. — Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — с. 264.

10. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике, вып. 6. — М.: Прогресс, 1972. — с. 344-382.

11. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. — с. 60-66.

12. Вайнрах У. Языковые контакты. — Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — с. 264.

13. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. - М.: Просвещение, 1968. — с. 12.

14. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. - М., 1996. — с. 58.

15. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностранных студентов-русистов. - Владивосток: изд-во «Диалог - МГУ», 1997. — с. 132-135.

16. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. — Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1972. - с. 162.

МЖЕЛЬСКАЯ О. К.

Дата поступления статьи в редакцию: 27.12.2006 г.
© Мжельская О.К.

УДК 801:13

Е. Р. ФАЗЫЛОВА

Казанский государственный
энергетический университет

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И ЕГО РОЛЬ В ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ XX ВЕКА

Объектом осуществляемого в статье исследования выступает «Лингвистический поворот» как событие, приведшее к трансформации классической европейской гносеологической установки Нового времени. В фокусе внимания две ключевые работы Людвига Витгенштейна: «Логико-философский трактат» и «Философские исследования», давшие толчок означенному событию.

Проблема, оказавшаяся в фокусе нашего внимания, вероятно, еще не может претендовать на адекватное своим масштабам осмысление в силу того, что нам подчас не хватает той исторической дистанции, которая для этого необходима. То, что в XX веке получило название «Лингвистического поворота», простирает-

ся от сциентизации языка средствами логики, получившей хождение в рамках философии анализа, структурной лингвистики Ф. Де Соссюра до лингвистических интуиций Гуссерля, онтологизации языковой парадигмы Хайдеггера, структурализма и герменевтики, семиотики, кибернетики, модальной логики.

Если вся совокупность этих дисциплин и поддается некой тематизации, то сделать это возможно лишь на основании понимания языка в качестве смыслового поля, образованного множеством центробежных сил, составляющих в своей целокупности то, что принято называть «лингвистическим поворотом» как концептуальной трансформацией философской парадигматики.

Обращаясь к истокам «лингвистического поворота», мы приходим к осознанию того, что за отправную точку посвященного ему исследования может быть принята как лежащая в непосредственной исторической близости ситуация кризиса позитивизма, являющаяся логическим завершением проекта Просвещения Нового времени, так и находящееся на более солидном в человеческом понимании временном расстоянии метафизическое наследие классической Греции, истолкованное Хайдеггером в терминах соотношения бытия и сущего.

Актуальность исследования коренится в имманентных самому предмету неисчерпаемых возможностях его интерпретации, не только позволяющих, но и требующих периодического возвращения к означенной проблематике с целью осмысления *события* в новой точке временного континуума, а, следовательно, и обогащения применяемых к нему герменевтических процедур. А так как сам лингвистический поворот сравним по значимости своих притязаний и полученных результатов, пожалуй, лишь с картезианским поворотом Нового времени в его философском приложении либо коперниканским поворотом в науке, то эксплицировать его значимость не представляется даже необходимым. Вопрос в другом — эксплицировать сам факт явленности «явления» как некоего центра бифуркации устоявшейся системы существующих парадигматических установок. Подобный интеллектуальный взрыв имеет своим следствием неуправляемую цепную реакцию со шлейфом расходящихся следствий, что имело место и в рассматриваемом нами случае: философия, история, политические и социальные науки ассимилировали и развили новейшие достижения, полученные в результате лингвистической революции.

Отдаваясь размышлениям о лингвистическом повороте, нам придется еще раз констатировать, что место и время интеллектуального *события* неуловимы в своем *вот*, поэтому единственная возможность воззвать к его явленности — это попытаться «стянуть» явление к триадическому единству его настоящего, осуществившегося и наступающего, чтобы в нем явление обнаружило свое само-по-себе-себя-выказывание.

Начнем с ретроспективы философской ситуации, предшествовавшей Повороту.

Формулируя положение об основании, эксплицирующее существо европейской мысли и задающее тон всему ее нововременному развитию, мы вправе детерминировать его как «философию сознания», или «философию субъективности», фундированную в картезианстве и исходящую из самоочевидности мира сознания, субъективных феноменов, и не очевидности внешнего сознанию мира.

Вместе с тем та же нововременная установкашла свое выражение в экспериментальном методе научного естествознания, основанного на идее методологического монизма, опирающегося, с одной стороны, на эксперимент, а с другой — на «непогрешимый» базис точных наук — математики и физики, сопоставлением с которыми измерялась степень развития и совершенства всех других отраслей знания, включая гуманитарное.

Подобная двойственность, заложенная в фундамент нововременного «измерения» так или иначе тре-

бовала решения, позволявшего раз и навсегда разрубить гордиев узел концептуальной дихотомии реализма и субъективизма, доминировавших, соответственно, в науке и философии.

Говоря о методологическом монизме, мы не можем не отметить, что общим знаменателем научной установки XIX столетия оказалась так называемая тенденция онтической редукции, базирующаяся на сведении одного сущего к другому сущему. В области эмпирической науки ее истоки можно усмотреть в галилеевской традиции, с присущим ей каузально-механистическим подходом, в области же исследования механизмов сознания она связана с английской ассоциативной психологией, со времен Гоббса и Юма составлявшей хребет любой позитивистской теории познания. Здесь речь идет о том, чтобы с помощью ассоциаций представлений, выступающих в роли психических законов причинной механики, свести одно фактическое к другому фактическому как его исходному пункту.

Подобный эпистемологический оптимизм позитивистов с их безграничным доверием к субъективному сознанию, с одной стороны, и последовательным эмпирицизмом, с другой, к концу XIX века был как минимум поставлен под сомнение. И это означало не что иное, как кризис позитивистского движения, наследовавшего познавательные установки Нового времени.

Кроме того, акцент ассоцианизма на ментальных образах, непосредственно основанных на данных перцепции, расходился с логоцентрической традицией европейской философии. В силу эффекта реакции логоцентризм взял верх, что проявилось в заметном оживлении логических исследований. Тем самым преодоление психологизма началось практически в том пункте, где логика и математика должны были редуцироваться к реальным психическим процессам. Одним из инициаторов антипсихологизма в логике и математике выступил Г. Фреге, объявив локковское понимание языковых значений как «внутренних психических представлений» субъекта крайней релятивизацией последних.

Особо выделим тот факт, что именно от логического анализа оснований математики берет свое непосредственное начало целый комплекс логических и философских вопросов, связанных с анализом *языка науки* и соответствующей критикой естественного языка.

Дело в том, что дополнение теории истины семантическими понятиями, такими, например, как градация высказываний на осмысленные и бессмысленные в связи с их репрезентативными возможностями по отношению к реальной ситуации закономерно вызвало повышенный интерес к соотношению знака и обозначаемого, смысла и значения.

Логическое изучение языка привело в результате к признанию явного несоответствия обыденного употребительного языка критериям ясности и точности, выдвигаемым положениями современной науки. Тем самым ключевым словом к пониманию восприятия языка Расселом и Фреге является «прояснение» (языка). Прежде всего, логики и математики, они ратовали за предельную чистоту и прозрачность языкового материала. Неточности естественного языка — есть основная помеха логической точности. Отсюда выход — разработка аналитического аппарата символической логики и перевод содержательных фрагментов знания на искусственный формализованный язык.

Критикуя в этом плане естественный язык, Рассел всемерно подчеркивал преимущества искусственного языка математической логики, обнажающего логическую структуру мысли и, наконец, снимающего все психологические оттенки смысла.

Во многом именно Расселу принадлежит разработка логических основ учения зарождающейся аналитической философии, однако понятие «лингвистического поворота», возникшее, безусловно, многим позже, как ретроспективное обращение к заставившему *говорить* о себе явлению, связано своим *вот* с «Логико-философским трактатом» Л. Витгенштейна, впервые сформулировавшего максимум о том, что целью философии является логический анализ языка. Его учение — квинтэссенция всех предыдущих представлений: согласно Витгенштейну, язык идеален, рационален сам по себе. Он должен лишь пройти очистку в горниле логически рационализированных процедур — и тогда откроется его истинная природа — а именно быть объективным отображением фактов *мира*.

Согласно Витгенштейну, природа значимых пропозиций заключена в том, чтобы быть чувственно выраженными (в знаковой форме) образами, картинами реального мира. То же, что делает возможным отображение действительности посредством знака-предложения — есть изоморфная связь Мир — Сознание — Язык, возникающая между элементами мира в силу универсальной «логической формы», как мироорганизующего логического закона.

Так как предложение призвано описывать действительность, т.е. отражать лишь факты этой действительности, оно, соответственно, не должно содержать «пустых» знаков, т.е. знаков, не наделенных значением, иначе оно рискует стать бессмысленным. Отсюда знаменитый витгенштейновский критерий «чистоты» языка: «То, что вообще может быть сказано, может быть сказано *ясно*, а о чем невозможно говорить, о том следует молчать» [1. С. 5]. Таким образом, всякая метафизика изгоняется из языка как не выдерживающая критерия ясности и становится частью области невыразимого. Цель же философии Витгенштейн определяет не поиском истины (истинностных предложений), а видит ее задачу в «логическом прояснении мыслей», их облачении в ясную логическую форму, упорядочивании и организации.

Размышляя о природе пропозиций, Витгенштейн закладывает совершенный фундамент познания, как воплощенного триединства Мира, Языка и Мышления, в котором сходятся магистральные направления познавательных сил человечества. Рационализм, эмпиризм, языковые структуры — все зиждется на одной всепроникающей и всеобъемлющей логической форме. При подобном подходе «нововременная» дилемма субъективизма: каким образом от непосредственных данных сознания мы можем перейти к знанию интерсубъективного мира, преодолевается путем введения надежного гаранта в виде изоморфного образования мир — сознание — язык, пронизанного универсализмом логического закона. Тем самым субъект-объектная дихотомия вылилась у Витгенштейна в объективизм и логоцентризм, а наукоцентристская установка воплотилась в концепции языка как границы смысла и бессмыслицы.

Если «Логико-философский трактат» не готовился Витгенштейном как некий эпистемологический пропуск, а возник из методичной разработки логических проблем, затрагивающих обоснование оснований математики, то гносеологами он был истолкован как переход от теории познания к аналитике языка, означавшей в неопозитивистском толковании еще большее заострение дихотомии субъективизма и реализма, взятых в единстве концептуально несовместимого. Тем самым в рамках логического позитивизма осуществлялась явная абсолютизация репрезентативной функции языка, имплицитовавшая анализ воплощенного в язы-

ке знания по образу и подобию отношения субъекта (депсихологизированного сознания) к внешнему миру. Подобный подход может быть описан как метафизика языка, т.к. он сохраняет основные установки эпохи Нового времени, которая со времен Декарта выдвигала разнообразные проекты улучшения языка.

Тем самым, признав за философией исключительное право анализа языка, Витгенштейн задал вектор всего дальнейшего развития новейшей философской мысли, сфокусировавшей свои познавательные интенции на языке.

Финальным аккордом уходящей в прошлое эпохи Нового времени стал логический позитивизм, интегрировавший выводы витгенштейновской философии в познавательную установку эмпиризма. То, что дало «венцам» возможность перевести всю проблематику «Трактата» в плоскость гносеологии определяется тем, что Витгенштейн декларировал язык «границей мышления», а соответственно и мира, определив все, что лежит по ту сторону — бессмыслицей. Область его действия ограничивается, следовательно, областью *фактов*, чья дескрипция, по мнению «венцев», может быть получена путем фиксации чувственных впечатлений посредством протокольных предложений. Задача же философии сводится, таким образом, к окончательному прояснению языка путем его приведения в соответствие с изучаемыми явлениями и к полному контролю над соблюдением правил логического синтаксиса.

Соединяя, таким образом, в себе рациональные логические процедуры анализа с классическим идеалистическим сенсуализмом, логический позитивизм стал завершающей фазой гносеологической установки Нового времени, фундированной в субъекто- и наукоцентризме.

Таким образом, стало ясно, что не что иное, как субъективизм (с парной ему категорией объективизма), выраженный будь то в чувственной, будь то рациональной форме, суть корень неразрешимой проблемы познания. А следовательно, и двухчастная эпистемологическая модель требовала кардинального пересмотра.

В этих условиях язык, но не мертвый язык науки, а обыденный, оказывается идеальным претендентом на роль субстрата мышления и, в конечном счете, самого мышления: средство коммуникации *par excellence*, преодолевающий индивида социальный институт, он снимает дуализм благодаря двойственности своего существования — внешнего и материального, с одной стороны, внутреннего и психического — с другой. Именно к такому языку обращается в своей поздней концепции Витгенштейн, «открывая» тем самым так называемую вторую волну лингвистического поворота. Отказываясь от лейбницанских проектов улучшения языка, он заменяет их исследованием и описанием различных практик языка в его обыденном функционировании.

Так как поздняя философия Витгенштейна не может быть представлена как некая законченная система, с четко определенными границами и жесткими внутренними связями, мы попытаемся представить ее путем сопоставления в ряде ключевых вопросов с ранней концепцией философа. Подобный анализ должен, как нам кажется, пролить свет на причины, обусловившие поворот Витгенштейна от философии логического атомизма к философии обыденного языка.

Сходства:

1. Витгенштейн пришел в философию через поиск оснований математики. И то, чему он ни разу не изменил на протяжении всей своей жизни — это поиск, как он сам выражался, «основания возможного Знания». И в «Логико-философском трактате» и в «Философс-

ких исследованиях» его устремления направлены на одну цель — на понимание *как*. Единственно, в «Трактате» он подходит к решению своего главного вопроса, используя аппарат классической логики, в «Исследованиях» же обращается к обыденному языку.

Как возможна значимая пропозиция? — Один из центральных вопросов «Трактата». Поставив вопрос в подобной форме, мы можем продолжить ряд: «Как возможна философия как строгая наука?» Что позволяет философии вводить и оперировать такими метафизическими сущностями как «Бог», «душа», «вечность», «свобода», и др. как истинными? (кантовская проблематика). — Как строгая наука философия возможна исключительно как «критика языка», введение же в философию всех вышеизложенных и им подобных метафизических сущностей абсолютно неправомерно (постановка проблемы Витгенштейном). Отсюда, мы можем определить раннюю философию Витгенштейна как «критику чистого языка».

«Как возможно понимание?» — Один из центральных вопросов «Философских исследований». При неизменном критическом подходе, радикальные изменения происходят в методе и выборе самого объекта изучения.

Если говорить о степени влияния Канта на философию Витгенштейна (о чем в последнее время появилось достаточное количество публикаций) сейчас мы отметим лишь то, что тот, кто всю свою жизнь стремился постичь основания возможного знания, не мог обойти критического подхода как такового.

2. В предыдущем пункте мы отметили смену объекта изучения, связанную с проблематикой «Исследований».

Парадокс в том, что объект не менялся. Интенции Витгенштейна всегда были направлены исключительно на язык. Однако эволюция данного понятия в рамках философии Витгенштейна позволяет нам говорить о разных объектах исследования.

То, что называл «языком» поздний Витгенштейн, ранний бы определил как бессмыслицу. «Язык» «Логико-философского трактата» — язык фактов (не будем вслед за логическими позитивистами говорить «язык науки»), так как в силу своей логической формы, общей миру, он «накручен» исключительно на факты. Язык же позднего Витгенштейна — обыденный язык (однако это не значит, что в качестве своей составляющей он не содержит «языка науки»).

3. Через все творчество Витгенштейна проходит и «контекстуальность» языка. «Как всякий знак, который сам по себе, имя самостоятельно не имеет значения» [1. С. 14].

Так, при всем различии в понимании природы языка, предпосылки к позднейшему пониманию значения как *употребления*, с точки зрения его обусловленности языковым окружением, невозможностью его существования вне контекста, можно найти уже на страницах «Логико-философского трактата».

Начиная разговор о «значении», обратимся к существенным различиям в языковой парадигме двух периодов.

Какова природа «ранней» витгенштейновской критики языка? Она имеет логико-лингвистические корни, уходящие в логическую семантику Фреге и логический атомизм Рассела.

Напомним, что, согласно Витгенштейну, природа значимых пропозиций заключена в том, чтобы быть чувственно выраженными (в знаковой форме) образами, картинками реального мира. Принципиальную важность понятие «значение» приобретает в силу того, что система предложений Витгенштейна рассматривается им в рамках экстенциональной логики выска-

зываний, допускающей два значения истинности анализируемых предложений: «истина» и «ложь». Последние складываются из истинностных возможностей входящих в предложение элементарных предложений. Таков статус значения на уровне пропозиций.

На элементарном уровне «значение» фигурирует уже в качестве реального объекта действительности. То есть объект есть значение простого знака. И так как предложение призвано описывать действительность, то оно, соответственно, не должно содержать «пустых» знаков, что сделало бы его попросту бессмысленным.

Разочаровавшись в идее совершенного логического языка, Витгенштейн обращается к обычному естественному языку, к реальной речевой деятельности людей, к их коммуникативной практике.

Поздний Витгенштейн ставит во главу угла понимание и представляет философию как чисто дескриптивную науку, чья цель опять таки сводится к прояснению. Только на этот раз, говоря о ясности, Витгенштейн вкладывает в это понятие диаметрально противоположный смысл, нежели в своей ранней концепции. Прояснение — есть средство избавления от довлеющего над нами понятия значения, подразумевающего обращение к некоей стоящей за ним сущности, поиска предмета, якобы непременно должно соотноситься с существительным. Истоки подобных представлений кроются в остенсивных способах обучения языку, в заложенных в нас «формах» первого знакомства со словами.

Не менее важной помехой Витгенштейн считает издержки «школьной грамматики», заставляющей нас смотреть на язык под определенным углом.

Таким образом, неверно сформированное в нас понятие значения мешает нам ясно осознать, как же в действительности функционирует язык. Избавить нас от подобной путаницы — основная цель нового философского метода, предложенного Витгенштейном. Сам автор был склонен считать его не неким единым методом, а совокупностью различных «терапий».

Терапевтические меры, в их приложении к естественному языку, привели Витгенштейна к совершенно новой трактовке языка, как совокупности «языковых игр», присущих тем или иным «формам жизни».

«Языковая игра» представляется нам элементарной значимой компонентой языковой конструкции, в рамках которой функционируют слова, подчиненные определенным правилам, диктуемым «игрой». Диапазон игр довольно широк — от примитивных игр «называния», «проговаривания», до изощренных игр, включенных в канву разнообразных действий. Слова, вопреки расхожему мнению, функционируют в языке согласно правилам глубинной грамматики, отражающей концептуальные структурные связи, пронизывающие языковую практику.

Отсюда рождается новое понимание значения как *употребления* слова в языке. Вместо статичной конструкции значения — объекта, появляется динамичная структура понятия значения, представленная на практике разветвленной системой «семейных сходств». Витгенштейн говорит о «семейных сходствах» по аналогии со сходством тех или иных черт, существенных членам одной семьи. Как и последним, отдельному значению присущи, с одной стороны, черты, позволяющие отнести его к данной семантической «семье», с другой же, — сугубо индивидуальные особенности, возникшие по ходу «игры» с данным словом.

Эксплицируя феномен семейных сходств языка, Витгенштейн пользуется следующей аналогией: «прочность нити создается не тем, что какое-нибудь одно волокно проходит через нее по всей длине, а тем, что

в ней переплетается друг с другом много волокон».

Подобный подход, позволяющий анализировать «значение» в рамках разнообразных языковых практик, предоставляет широкие возможности для понимания последнего. Преодолевая логическую строгость своего раннего подхода, Витгенштейн расширяет тем самым границы языка, устанавливая подвижные очертания для значений входящих в него слов. Если язык времен Трактата «признавал» лишь значимые пропозиции, имеющие дело с фактами и полностью «исключал» из научного дискурса «бессмысленные» метафизические сентенции, то язык времен «Исследований» включает в себя всю совокупность наличных языковых средств и явлений во всей их полноте.

Итак, необходимо констатировать, что «прагматический поворот», имевший место в «Исследованиях», во многом связан с предложенным Витгенштейном функционально-деятельностным подходом в отношении понятия «значения», позволившего расширить рамки синтаксического и семантического анализа языковых явлений. На первом плане оказывается коммуникативная функция языка, функция же репрезентации понимается лишь как производная от нее. Квази-субъектом познания выступает в таком контексте надындивидуальная языковая игра, производящая «картину мира» - эпистемическую очевидность, предпосылочную и первичную по отношению ко всем рациональным представлениям индивидуального сознания.

Подобная трансформация во взглядах Витгенштейна повлекла за собой лавинообразную реакцию всего научного сообщества: вслед за ним структурализм, герменевтика, лингвистическая философия фокусируют свое внимание на контекстах и предпосылках высказываний, на объективированных структурах языка вне связи с субъектом. Идея единого совершенного языка заменяется понятиями различия, многозначности, историчности оснований языка, описанием его политических и социальных функций.

Подводя итог вышесказанному, сформулируем следующие выводы:

— лингвистический поворот стал проявлением скачкообразного (диалектического) перехода от модели познания, соответствовавшей XIX веку и рассматривавшей сознание в качестве исходного пункта, основы и цели философствования, к философии XX века, выступившей с критикой «психологизма» и метафизически ориентированного мировоззрения;

— лингвистический поворот является, в сущности, критикой языка и раскрывается в свете его полемике с метафизикой, когда последняя признается: бессмыслицей, не отвечающей природе самого языка (ранний Витгенштейн и его последователи); падением Dasein в несобственность своего бытия (ранний Хайдеггер); судьбой бытия (поздний Хайдеггер); одной из «языковых игр» (поздний Витгенштейн);

— переход от априоризма сознания к аргументации формирует в качестве объекта исследования надындивидуальную область языковой реальности, довлеющую над субъективным сознанием;

— имманентной причиной лингвистического поворота признается поиск решений, могущих составить альтернативу исчерпавшей себя на данном этапе и ставшей причиной затяжного кризиса «европейских наук» и всего «европейского человечества» гносеологической модели Нового времени.

Библиографический список

1. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I / Витгенштейн Л. Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. — 612 с.

ФАЗЫЛОВА Евгения Рафаэлевна, аспирант кафедры теоретических основ коммуникации.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.12.2006 г.

© Фазылова Е.Р.

Книжная полка

Издания Современного гуманитарного университета (Москва)

Померанц Г.С. Великие религии мира / Г.С. Померанц, З.А. Миркина. — Перераб. — М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. — 256 с. — (Серия «Humanitas»).

В книге исследуются образы веры, оказавшие наибольшее влияние на историю, искусство и философию. Отдельные главы посвящены доисторическим и племенным культам, религиозным течениям Элады, единобожию евреев, христианству, исламу, брахманизму, буддизму, послепобуддийскому индуизму, дальневосточному буддизму дзэн, религиозным учителям и течениям XX в. (Кришна-мурти, Даниилу Андрееву, бахаизму). Авторам (поэту Зинаиде Миркиной и философу Григорию Померанцу) удалось создать единство стиля, в котором поэтичность сочетается с научной достоверностью. Первое издание разошлось в год выпуска. В публикуемое издание авторы внесли ряд исправлений и уточнений формулировок.

Для преподавателей, студентов, учащихся старших классов и широкого круга читателей.

Дьяконова Е.А. Дневник русской женщины / Е.А. Дьяконова. — М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. — 672 с. — (Серия «Зерно вечности»).

Елизавета Александровна Дьяконова (1874-1902) — автор «Дневника русской женщины» и публицистических сочинений. Ее «Дневник» был назван В.В. Розановым «явлением глубоко национальным, русским», «одной из самых свежих русских книг конца XIX в.». Дневник отражает внутреннюю жизнь автора, а также дает представление о жизни молодежи, студенчества 1890-х годов. Кроме того, это знаменательный документ женского движения в России и яркое литературное произведение. Незаурядность характера и литературная одаренность автора проявились в предельной искренности самоанализа, попытке осмысления особенностей повседневной жизни того времени.

Для широкого круга читателей.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ТЕЗАУРУС КАК КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Профессиональная языковая личность адекватна профессиональной коммуникации, т.е. способности человека к общению на профессиональном уровне. Данная способность складывается из овладения «концептуальной профессиональной картиной мира». Профессиональный язык отражает системность реального и идеального мира. Следовательно, формирование профессионального тезауруса производится не на уровне языковой системы, а на уровне речевой деятельности, предполагающей все виды преобразований - лексико-семантические, грамматические, когнитивные и интенциональные, относящиеся к трем уровням организации профессиональной языковой личности (вербально-семантическому; лингво-когнитивному; мотивационному).

Научная новизна: определяется место и роль профессионального тезауруса как компонента профессиональной речи в формировании профессиональной личности на основе межпредметной интеграции «Теории и методики физической культуры и спорта» и «Русского языка и культуры речи».

Результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области профессиональных языков — профессиональная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в профессиональной коммуникации.

Языковая личность есть многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (имеются в виду говорение, аудирование, письмо и чтение), а с другой — по уровням языка, т.е. фонетике, грамматике и лексике [2, с. 29].

Формирование способностей и готовностей к осуществлению речевых поступков обуславливается не только субъективными и психологическими факторами, но и социальными условиями и соответствующими ролями профессиональной языковой личности.

Профессиональная языковая личность имеет уровневую организацию. Человек в своем речевом развитии постепенно переходит от более низкого уровня языковой личности к более высокому. Так, например, в свете концепции Ю. Н. Караулова языковая личность складывается из трех уровней:

1) нулевого уровня - вербально-семантического, или лексикона личности, понимаемого в широком смысле, и включающего фонетические и грамматические знания личности;

2) первого уровня - логико-когнитивного, представленного тезаурусом личности, в котором запечатлен «образ мира» («профессиональный образ мира». — Н.В.) или «система знаний о мире» («система профессиональных знаний о мире». — Н.В.);

3) второго уровня - уровня деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающего прагматикон личности, т.е. систему целей, мотивов, установок и интенциональностей личности [2, с. 236].

Нулевой уровень, называемый вербально-семантическим, соответствует степени владения обыденным языком (языковое сознание). Единицами, из которых изоморфно складывается личность на данном уровне, выступают отдельные слова, отношения между которыми охватывают все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей. Совокупность этих связей распространяется на наиболее ходовые, стандартные словосочетания, простые формульные предложения и фразы типа: ехать на велосипеде, пойти на тренировку и др.

Первый уровень предполагает отражение в описании языка профессиональной модели мира (когнитивное сознание). Объектом воздействия обучающих действий в образовательном процессе профессиональному языку должна быть не только коммуникативная способность студента, но и его профессиональное когнитивное сознание. Единицами данного уровня являются обобщенные (теоретические) понятия, крупные концепты, идеи, выразителями которых оказываются как будто те же слова нулевого уровня, но облеченные теперь дескрипторным статусом. Отношения между этими единицами выстраиваются в упорядоченную, строгую иерархическую систему, в какой-то степени отражающую профессиональную картину мира. В качестве стереотипов первого уровня Ю. Н. Караулов называет устойчивые стандартные связи между дескрипторами, находящими выражение в генерализованных высказываниях, дефинициях.

Лексические концепты, прототипы, тезаурусы, фреймы отражают иерархичность человеческого знания по линии род-вид между обозначением родового понятия и обозначением видовых понятий, которые устанавливаются между дескрипторами (смысловыми доминантами класса). Тематические связи слов служат отражением общих принципов классификации явлений действительности, которые формируются в сознании обучаемого в ходе познавательной деятельности. Знания о профессиональном мире обобщены в определенные группы, называемые категориями. Тематические связи в языке представляют собой отражение системных отношений между реальным и идеальным миром. Объединение слов в тематические группы осуществляется на основании существенных элементов их значения при условии, когда предметные связи отражаются и закрепляются лингвистическим путем. Эффективность тематического принципа организации учебного материала находит свое подтверждение в теории фреймов. Знания - продукт мыслительной деятельности человека — В.А. Звегинцев считает возможным рассматривать на когнитивном уровне как совокупность фреймов, которые могут соотноситься с реальным миром. [1, с. 74-75]. Человеческие знания структурированы в концептуальные системы, фрейм в отличие от обычных ассоциативных связей, по выражению М. Минского, выступает в качестве минимально необходимой структурированной информацией для представления стереотипной ситуации [4, с. 67].

Таким образом, тематические группы связаны напрямую с категоризацией мира, структурами мышления:

- *категориальные понятия соотносятся с именами классов слов, представляющими тематические группы (дескрипторы):*

«Физическая подготовка»:

- классы слов (тематические группы) соотносятся с родо-видовыми отношениями между классами слов (дескрипторами):
 - часть подготовки;
 - специализированный процесс физического воспитания;
 - составная часть тренировки;
 - прикладная направленность физического воспитания;
 - процесс формирования двигательного навыка и развития физических качеств.

Знание тематической группы (профессионального тезауруса) как компонента языковых знаний о профессиональном мире позволяет студенту физкультурного вуза в конкретной ситуации общения на профессиональном языке:

- 1) выбрать наиболее подходящие лексические единицы в рамках лексической темы;
- 2) лексически наполнить большую часть высказывания;
- 3) создать наибольшее количество высказываний.

Второй уровень включает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности, ее поведение, управляющих ее текстопроизводством и в конечном итоге определяющих иерархию смыслов и ценностей в ее языке модели мира. Данный уровень более подвержен индивидуализации и, следовательно, менее ясен по своей структуре. В качестве единицы второго уровня; выделяются не слова и элементы тезауруса, а коммуникативно-деятельностные потребности.

Ю. Н. Караулов пишет, что поскольку обе они существуют не сами по себе, а связаны с производственной деятельностью людей, определяющих соци-

альные отношения, было бы правильно говорить не о чисто коммуникативных потребностях, а о коммуникативно-деятельностных, обусловленных всей парадигмой социально-деятельностного поведения личности, охватывающей также ее интенциональности, интересы, мотивы, цели и ценности. Между коммуникативно-деятельностными потребностями и тремя уровнями языковой личности, как отмечает автор, можно установить определенные взаимосвязи.

Первая группа потребностей отвечает задачам установления и развития контактов между людьми. Эта группа потребностей удовлетворяется вербально-семантическим уровнем и реализуется в бытовом употреблении языка. Вторая группа потребностей коррелирует с ситуациями общения, предполагающими обмен информацией и выработку единой стратегии взаимодействия в профессиональной деятельности. Эти потребности покрываются профессиональным тезаурусом личности.

Третья группа потребностей соотносится с ситуациями общения, в которых личность направлена на восприятие и понимание своего партнера. Эта группа потребностей «обслуживает» второй уровень языковой личности, и ей отвечает прагматикон. В реальном общении в структуре языковой личности нет столь четкой ясности в подразделениях коммуникативно-деятельностных потребностей по уровням ее сформированности. Тем не менее эти потребности выступают в качестве основных единиц мотивационного уровня, и их лингвистическими коррелятами могут служить, в частности, образы прецедентных профессиональных текстов.

Ю. Н. Караулов указывает, что собственно языковая личность начинается не с нулевого уровня, а с первого, на котором оказывается возможным индивидуальный выбор, личностное предпочтение одного понятия другому. На втором уровне языковая личность сливается с социальной.

Процесс обучения профессиональному языку предполагает целенаправленное воздействие на тезаурус обучаемых, актуализируя аспекты профессиональной языковой личности:

на нулевом уровне - формирование автоматизированных навыков использования типовых конструкций;

на первом - проблема развертывания текста по темам и семантическим полям, а также сжатие исходного текста до «проблемы»;

на втором - соответствие языковых средств коммуникативным условиям их использования.

Модель профессиональной языковой личности в соответствии моделью языковой личности Ю. Н. Караулова, предполагает еще один важный аспект, сопряженный с проблемой творческого отношения личности к профессиональному языку, творческого начала в использовании человеком профессионального языка. Когда говорят о речевой деятельности как о творчестве и о человеке как о творце языка, имеют ввиду прежде всего способность человека каждый раз заново порождать завершенное оригинальное высказывание из стандартных строевых элементов. В качестве иллюстрации можно привести языкотворчество, создание новых сочетаний и переноса значений, привнесение в значение элементов субъективного смысла. Источником языкового творчества можно считать когнитивные преобразования, совершаемые человеком в каждый момент построения им высказывания, в том числе и на прагматическом уровне. Это объясняется тем, что любое высказывание, выражающее даже простейшие личностные интенциональнос-

ти, не может не содержать модального компонента. Последний как раз и является предпосылкой творчества. Следовательно, говорить о речевой деятельности человека как о творчестве и о языке как источнике этого творчества, значит иметь в виду все виды преобразований лексико-семантико-грамматические, когнитивные и интенциональные - относящиеся соответственно к трем уровням организации профессиональной языковой личности.

Что касается модели профессиональной языковой личности, то совершенно очевидно, что она, базируясь на разработанной Ю.Н. Карауловым концепции языковой личности, в большей степени адекватна профессиональной коммуникации, точнее, способности человека к общению на профессиональном уровне. Данная способность складывается из овладения «(концептуальной) профессиональной картиной мира», позволяющей человеку понять новую для него социальную действительность.

Формирование профессионального тезауруса как компонента речи - сложная задача, так как в данном случае речь идет о развитии умений; распознавать мотивы и установки личности, принадлежащей профессиональной общности. Овладеть суммой знаний о профессиональной картине мира - значит выйти на когнитивный (тезаурусный) уровень профессиональной языковой личности. При подготовке активного участника профессиональной коммуникации, владеющего профессиональным языком как средством профессионального общения, важно научить носителя образа мира профессиональной общности понимать (постигать) носителя профессионального языкового образа мира. Использование понятия профессиональной языковой картины мира и профессионального тезауруса личности как способа организации профессиональных знаний позволяет утверждать, что понять какую-нибудь фразу или текст означает, пропустив ее через свой профессиональный тезаурус, соотнести со своими профессиональными знаниями и найти соответствующее ее содержанию место в профессиональной картине мира. Этот результат может быть достигнут при неполном, приблизительном знании семантики слов, но адекватном соотношении их смысла с областями и узлами профессионального тезауруса. Отсюда очевидна необходимость дифференциации понятий «уровень усвоения профессионального кода» и «уровень развития прежде всего через категории профессионального языкового сознания профессиональной речевой деятельности», направленного на проникновение в концептуальные системы носителей профессионального языка. При этом процесс обучения профессиональному языку проходит по мере изменения его качественных характеристик через все уровни структуры языковой профессиональной личности, наполняясь на каждом уровне своим содержанием и развиваясь во взаимосвязи с уточненными для конкретных условий обучения целями.

Следовательно, принятие концепта профессиональной языковой личности в качестве методологического означает, что в современном процессе обучения профессиональному языку делается особый акцент на концептуальную систему в контексте профессиональной культуры, что предполагает осознание студентами физкультурного вуза собственной универсальной сущности как профессионального субъекта.

Взаимосвязанное коммуникативное, социокультурное профессиональное и когнитивное развитие студентов, являясь средством и результатом формирования профессиональной языковой личности, призвано помочь им:

во-первых, понять и усвоить профессиональный образ жизни/поведения;

во-вторых, употреблять язык во всех его проявлениях в аутентичных ситуациях профессионального общения (процессы формирования навыков и умений);

в-третьих, расширить «индивидуальную картину мира» за счет приобщения к «профессиональной языковой картине мира» носителей изучаемого профессионального языка (процессы развития).

Познание, навыки и умения, развитие есть звенья одной цепи - формирования личности как идеала общества. Более того, как известно, когнитивные аспекты функционирования личности и интеллект человека проявляются прежде всего в языке. Языковая личность складывается из способностей человека осуществлять различные виды речемыслительной деятельности и использовать разного рода коммуникативные роли в условиях социального взаимодействия людей друг с другом и окружающим их миром [3, с. 44].

Язык есть система ориентиров, необходимая для деятельности в этом вещном и социальном, одним словом - предметном, мире. Используем ли мы эту систему для собственной ориентировки или обеспечиваем с ее помощью ориентировку других людей - вопрос не столь принципиальный. Ведь общение, коммуникация - это в первую очередь не что иное, как способ внесения той или иной коррекции в образ мира собеседника (ситуативный, фрагментарный и в то же время непосредственный, т.е. образ «большого» мира, или глобальный, но выключенный из реальной деятельности и реального переживания этого мира, т.е. образ «малого» мира, мира абстракций). Соответственно, усвоение нового языка есть переход на новый образ мира, необходимый для взаимопонимания и сотрудничества с носителями этого другого языка и другой культуры. Чтобы язык мог служить средством общения, за ним должно стоять единое или сходное понимание реальности. И наоборот: единство понимания реальности и единство и согласованность действий в ней имеют своей предпосылкой возможность адекватного общения [3, с. 272].

Следовательно, профессиональная языковая личность есть категория, имеющая выход на такие качества личности индивидуума, как творчество, самостоятельность, способность строить взаимодействие и взаимопонимание с партнерами по профессиональному общению (профессиональное взаимодействие).

Профессиональная языковая личность есть идеальный конструкт, достижение которого в условиях, например, вуза, вряд ли возможно в полном объеме, равно как невозможно и достижение «полного владения» языком, в том числе родным. В связи с последним А. А. Леонтьев писал: «Уровню владения родным, языком нет верхней границы; вернее, эта граница лежит за пределами наших педагогических возможностей, где-то в области индивидуальной стилистики художественной или ораторской речи» [3, с. 10, 11]. Однако, несмотря на это, принятие профессиональной языковой личности в качестве исходного концепта и ее структурная организация позволяют ставить вопрос об уровнях владения профессиональным языком, достигаемых человеком в тех или иных условиях социального контекста жизнедеятельности. Эти уровни могут быть соотнесены с разными моделями и вариантами обучения профессиональному языку в вузе и представлены в программах с элементами интегрирующего характера (культура речи и теория и методика физической культуры и спорта).

Модель профессиональной языковой личности позволяет раскрыть природу условия реализации лично-

стно развивающих возможностей процесса обучения профессиональному языку и, следовательно, получить полную картину относительно механизмов овладения студентами профессионального языка в учебных условиях. Известно, что личность при всех имеющихся в науке различиях в ее определении представляет собой устойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида как члена определенного общества. Следовательно, если речь идет о личностно развивающих возможностях процесса обучения профессиональному языку, то имеется в виду развитие личности в целом, как ее некогнитивных аспектов (эмоциональных характеристик, воли и т.д.), так и интеллектуальных (когнитивных), которые прежде всего проявляются в языке и исследуются через язык.

Как уже отмечалось, адекватность взаимопонимания между носителями профессионального языка в условиях профессиональной коммуникации определяется степенью совпадения образов их профессионального сознания. Это, в свою очередь, ставит задачу формирования у студентов готовности к осмыслению изучаемого профессионального языка. При этом следует иметь в виду все осуществляемые студентами в устной и письменной форме виды преобразований (лексико-семанτικο-грамматические, когнитивные и интенциональные), относящиеся соответственно к разным уровням организации профессиональной языковой личности.

Реализация указанной выше задачи возможна при

условии осуществления взаимосвязи уровневой организации языка в процессе обучения. Обучение профессиональному языку во взаимосвязи с уровневой организацией языка является мощным фактором личностного развития студента физкультурного вуза.

Научная новизна: определяется место и роль профессионального тезауруса как компонента профессиональной речи в формировании языковой профессиональной личности на основе межпредметной интеграции «Теории и методики физической культуры и спорта» и «Русского языка и культуры речи».

Библиографический список

1. Звегинцев В.А. Язык и знание /Вопросы языкознания-1982.-№1.- 8 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность.-М.:1987.- 195 с.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 2003.-287 с.
4. Минский М. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. / Минский М. - М.: Энергия, 1979.- 189 с.

ВАЛИТОВА Нелли Равильевна, и.о. доцента кафедры общей и социальной педагогики.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.12.2006 г.

© Валитова Н.Р.

УДК 821.161.1-14

Т. Н. СКОК

Институт развития образования
Омской области

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ОГНЯ В ЛИРИКЕ К. БАЛЬМОНТА

Автор статьи доказывает, что образ огня, органично воплощенный в поэтическом наследии Бальмонта, является одним из центральных системообразующих элементов в его натурфилософской лирике.

В статье анализируется многоплановый мотивно-образный комплекс огня, при этом анализ образной системы ведется в аспекте художественной онтологии с учетом эстетических и философско-художественных контекстов.

Внимательное, можно сказать любовное, отношение Бальмонта к природным стихиям можно проследить по всем его книгам, но совершенно особое отношение у поэта было к стихии Огня. Живое интересовавшийся новейшими исследованиями философов, физиков и астрономов, изучавший литературные памятники разных народов, Бальмонт обнаружил в стихии Огня особую для себя привлекательность. Он не ограничился в своем творчестве традиционными мотивами творческого жара, горения любви, душевного пыла и т.д. Бальмонт решил уделить этой стихии и ее многочисленным сублимациям более пристальное внимание.

В этой связи необходимо упомянуть о статье «Гольфстрем» М. Гершензона, в которой автором

выстраивается Гераклитова «огненная» парадигма, объявляющая все мировые стихии разными проявлениями Огня, а также вслед за Гераклитом отмечается, что «так называемые нами огонь, вода и земля в действительности не пребывают ни мгновения, но непрерывно восходят или нисходят одно в другое путем разрежения или сгущения...» [1]. Применительно к нашему исследованию это кажется особенно важным, ибо в творчестве Бальмонта тесное взаимодействие Огня и других мировых стихий занимает особо важное место. Многообразные их воплощения, гимнические обращения к ним, ощущение общности с ними собственного поэтического Я поэта, подчеркивание постоянного соприкосновения, проникновения и перетекания стихий —

все это в изобилии присутствует в поэзии Бальмонта. В письме К.Д. Бальмонта к А.Н. Ивановой, приведенном в книге Куприяновского и Молчановой, поэт указывал на свой интерес к философии Гераклита: «Кто меня волнует и увлекает — это Гераклит Эфесский. В малом отрывке его чую целые миры, и они воплощаются в моей душе. «Воскуряющие души всегда становятся разумными». - «От незаходящего никогда — как ускользнуть кому?» - «Рулевой всего — молния». Из таких лучезарных блесков я строю целые сонеты, полные мудрой звучности и успокоительной гармонии» [2].

Обращение к Библии также не могло не явить Бальмонту параллели Бог - огонь. Увлечение индийской философией и религией открыло ему, что в сознании древних индусов мир зародился из желания и тепла, которое, распалаясь, стало огнем, затем светом, пламенем и облаком, из облака же родилась вода, а из нее — земля, воздух и небо. Египетский бог солнца, индийский бог огня Агни не раз встретятся в произведениях Бальмонта. На наш взгляд, Бальмонта в образах стихий привлекало их постоянное жизнетворчество, безграничная свобода и вечное движение, что было особенно близко жизненной философии поэта.

Обращение Бальмонта к мировым стихиям можно заметить уже по первым его стихотворным сборникам, однако считаем необходимым отметить, что первоначально оно носило дискретный характер: осознание единства мировых процессов - слиянности макро- и микрокосма - пришло к Бальмонту позднее, и это было не только выражением субъективного творческого метода, но и своего рода художественным прозрением.

Ранние стихотворения Бальмонта 1894-1897 годов, написанные по большей части в минорной интонации, имеющие подражательный характер и созданные в духе декаданса, содержат упоминания не об Огне, а о его нивелированном состоянии: о лунном свете или о зловещем мерцании болотных огоньков. Большинство стихотворений этого периода можно назвать сумеречными: в них очень мало света, огня, движения, зато множество упоминаний о ночи, тьме, тумане, сумраке... В качестве основного светила в ранних стихах Бальмонта выступает Луна, чей образ сохраняет свою традиционную семантику — непостоянство, изменчивость, холодное безразличие, намеки на потусторонний мир, загадочность, мистичность. К примеру, сонет «Лунный свет» содержит признания поэта, выдержанные в духе романтической традиции: «Когда луна сверкнет во мгле ночной/ Своим серпом, блистатыльным и нежным,/ Моя душа стремится в мир иной,/ Пленяясь всем далеким, всем безбрежным...»

Состояние тоски, бесприютности и одиночества свойственно многим стихам этого периода. Однако открывающее книгу «В безбрежности» (1895 г.) стихотворение «Все мне грезится море да небо глубокое» все-таки являет нам восхитительную картину: в небе (хотя и ночью, но отнюдь не мрачно) поэт рисует «*трепетание звезд, их мерцанье стоокое*». Перемены в авторском мировосприятии только намечаются, и, верный сумеречным настроениям, привыкший к печали лирический субъект первых стихотворных книг Бальмонта все еще боится перемен: «Не буди воспоминаний. Не волнуй меня./ *Мне отраден мрак полночный. Страшен светоч дня*». («Не буди воспоминаний...»)

Но позитивный перелом в книге «В безбрежности» налицо, и Бальмонт сам себе оппонирует в сле-

дующих строках: «*Гори же, разгорайся*, пока еще ты юн,/ Сильнее, полней касайся сердечных звонких струн,/ Чтоб было что припомнить на склоне трудных лет,/ Чтоб старости холодной светил *негнущий свет...*»

Эти позитивные перемены — итог драматических событий в жизни Бальмонта. Попытка самоубийства, когда поэт, по его словам, «хотел купить освобождение/ От уз, наскучивших давно», перевернула его мировоззрение. Поэт словно видит себя со стороны, когда говорит: «Полуизломанный, разбитый,/ С окровавленной головой,/ Очнулся я на мостовой,/ *Лучами яркими облитой*». И в этом новом свете поэт услышал «звук родной давно утраченного рая»: «И новый, лучший день, *алея*,/ *Зажегся* для меня во мгле./ И, прикоснувшись к земле,/ Я встал с могуществом Антея» («Антей»).

Это болезненное «прикосновение» к Земле, действительно, наполнило поэта новыми силами, подвело к пониманию того, что из страдания рождается жизнетворящее обновление, и в самой смерти скрыта жизнь. Стихотворение «Символ смерти, символ жизни, бьет полночный час» (книга «В безбрежности», 1895) демонстрирует новый, более оптимистичный и жизнеутверждающий подход к творчеству; появляются мотивы, которым предстоит стать устойчивыми, излюбленными у Бальмонта — мотивы вечного движения, возрождения, единения всего сущего, а также обретают более четкие черты образы света, Небес, Солнца. Нет более антагонизма стихий или явлений, рождается ощущение их согласия: «Символ смерти, символ жизни, бьет полночный час./ *Чтобы новый день зажегся, старый день угас*./ Лишь на краткие мгновенья мраку власть дана, / Чтоб созрела возрождения новая волна. /.../ Мир исполнен восхищенья миллионы лет,/ Видя тайну превращения *тьмы в лучистый свет*».

В следующей книге «Тишина» (1898 г.) эти мотивы и образы получают новое развитие. П.В. Куприяновский вполне справедливо замечает, что «именно в книге «Тишина» зарождается миф о поэте — «стихийном гении», причастном всем природным явлениям» [3]. Бальмонт обретает уверенность в правильности собственного творческого пути. Именно в этой книге поэт начнет проводить параллели между собой и стихиями, вступает с ними в диалог. В цикле «Снежные цветы» поэт словно поднимается над привычным миром: «Я постиг в мимолетном намеке,/ Я услышал таинственный зов,/ Бесконечность немых голосов./ Мне открылось, что Времени нет,/ Что недвижны узоры планет, / Что Бессмертие к Смерти ведет,/ Что за Смертью Бессмертие ждет».

Эта поэтическая позиция, на наш взгляд, позволила Бальмонту понять самого себя, ибо это чувство со-причастности всему мировому, по его же собственным более поздним признаниям, жило в нем с самого детства. «Со мною ветер и все морское», «со мною тени», «я слышу сердцем полет времен», «я вольный ветер» - все эти признания, прозвучавшие в «Снежных цветах» книги «Тишина», разовьются в последующем творчестве Бальмонта.

Образ Огня в книге «Тишина» также эволюционирует: он уже не объект наблюдения и отчужденный символ — происходит его сближение с лирическим субъектом. Это может быть параллель с искрой (из одноименного цикла): «Я — *искра, отступившая/ От Солнца своего/ И Бога позабывшая* — / Не знаю для чего!» Может быть параллель

с пламенем испепеляющей страсти: «Я не люблю тебя. Мне жаль тебя губить./ Беги, пока еще ты можешь не любить./ Как жернов буду я для полудетских плеч./ Светить и греть?.. Уйду! Могу я только жечь». («Пламя») Или параллель с творческим горением, Поэзией, равной космической Музыке: «И я, как свет, вскормленный тучей,/ Блестяю вспышкой золотой./ И мне открыт аккорд певучий/ Неумирающих созвучий,/ Рожденных вечной красотой». («К Шелли»)

В лирике Бальмонта сливаются Огонь и Воздух, символизирующие творчество и свободу: «Вдали от земли, беспокойной и мгlistой,/ В пределах бездонной, немой чистоты,/ Я выстроил замок воздушно-лучистый,/ Воздушно-лучистый Дворец Красоты» («Вдали от земли»). С этим стихотворением напрямую связаны мотивом восхождения к Солнцу еще два поэтических текста Бальмонта: стихотворение «На вершине» и написанное ранее (в 1895 году) стихотворение «Я мечтою ловил уходящие тени...», в котором Бальмонт соотносит творческое прозрение и Огонь: «И внизу подо мною уж ночь наступила,/ Уже ночь наступила для уснувшей Земли,/ Для меня же блистало гневное светило,/ Огневое светило догорало вдали». «На вершине» звучит как продолжение заданной ранее темы - поэт «к Небу направил свой путь»: «И топот шагов неустанных/ Окрестное эхо будил./ И в откликах звучных и странных/ Я грезам ответ находил./ .../ Я видел Звезду Золотую,/ С безмолвием вел разговор».

Первые упоминания о символическом бинарном образе Огня и Солнца как мирового жизнетворческого и в то же время смертоносного начала заметны уже по первым книгам. Так, этот образ становится объектом пристального внимания и поэтического восхищения Бальмонта уже в книге «В безбрежности». Одно из немногих мажорных по интонации стихотворений этой книги носит название «В час рассвета». В нем Солнце воспринимается поэтом как символ радости, возрождения и полноты жизни: «И за гранью отдаленной, - радость гор, долин, полей, - / Открывает лик победный, все полней и все светлей,/ Ярко-красное Светило расцветающего дня,/ Как цветок садов гигантских, полный жизни и огня». Но этот же амбивалентный образ в сонете «Вещий сон» книги «Тишина» предстает уже не как «полный жизни и огня», а как ядовитый цветок: «От снежных гор с высокого хребта/ Гигантская восходит орхидея,/ Над ней отравой дышит пустота,/ И гаснут звезды, в сумраке редая».

Разрушительные мотивы, связанные со стихией Огня, занимают наиболее отчетливо в книге «Горящие здания». Переход Бальмонта от созерцательного мировосприятия к более действенному очень верно подметил А. Белый, который увидел в новой книге «решительный перегиб от буддийской окаменелости... к золотисто-закатному винному пожару дионисийства». [4] Эта «лирика современной души» - крик, вызов, эпатаж, и в дерзком порыве поэт все чаще проводит параллели «Огонь — кровь — гнев — смерть»: «Я вижу Солнце, Солнце, Солнце, красное, как кровь» («Как испанец»), «Два солнца по утрам светило с неба,/ С свирепостью на дольный мир смотря» («В глухие дни»).

Трагизм мироздания ощущается Бальмонтом все острее. Осознавая свою ответственность как поэта перед временем и современниками, он стремится к объективности, к отражению жизни во всех ее проявлениях, в том числе и разрушительных. «Я люблю реальную жизнь с ее дикой разнуданностью и бе-

зумной свободой страстей... Я хочу причаститься к противоречиям мира, чтобы понять их», - пишет Бальмонт А.И. Урусову.

Основной мотив книги «Горящие здания» — творческое горение-самосожжение, которое сродни мировому пожару: «Я неразрывен с этим мирозданием,/ Я создал мир со всем его страданием./ Струя огонь, я гибну сам, как дым» («Раненый»). Эта книга - символическое «сжигание мостов», отказ от прежних настроений, взглядов, интонаций, поэтических пристрастий и подходов: «Я устал от нежных слов,/ От восторгов этих цельных/ Гармонических пиров/ И напевов колыбельных./ Я хочу порвать лазурь/ Успокоенных мечтаний,/ Я хочу горящих зданий,/ Я хочу кричащих бурь!» («Я устал от нежных слов»).

Один из разделов книги носит название «Совесть», и в нем Огонь мыслится Бальмонтом уже не как враждебное непонимание и злоба окружающих, а является очистительным пламенем Страшного суда, сгорев в котором, можно возродиться в новом качестве. Желая этого обновления, ища иных путей, иного видения, поэт в «Молитве о жертве» призывает: «Скорее, Господи, скорей, войди в меня,/ И дай мне почернеть, иссохнуть, исказиться...»

«Горящие здания» содержат множество примеров философско-эстетических метаний поэта в поисках цельности мироощущения, преодоления раздвоенности, намечается стремление к восприятию мира как неделимого целого, и будущее рисуется поэтом как фантастическая картина, когда наконец станет возможным долгожданное слияние стихий космических с миром души: «Лишь демоны, да гении, да люди/ Со временем заполнят все миры/ И выразят в неизреченном чуде/ Весь блеск еще не снившейся игры, - / Когда, уразумев себя впервые,/ С душой соприкоснувшись навсегда/ Четыре полновластные стихии:/ Земля, Огонь, и Воздух, и Вода». Поэт предчувствует «таинственный миг примирения», когда «все в мире воспримет восторг красоты», и на этом мистическом празднике слияния «все краски, все формы изменятся вдруг,/ Все в мире воспримет восторг обаяния — / И воздух, и солнце, и звезды, и звук».

Отдав дань разрушительным настроениям в книге «Горящие здания», Бальмонт приходит к мысли, что для поэта «всякое разрушение ведет лишь к новому творчеству, <...> а новое по змеевидной линии, неукоснительными путями спирали, движет все живущее, от пылинки до Солнца, в звездную бесконечность» [5].

Наиболее полно и с явно преобладающей позитивной доминантой дается образ Солнца в следующей книге Бальмонта «Будем как Солнце», вышедшей в 1902 году. Бальмонт называл себя огнепоклонником, солнцепоклонником, так как чувствовал в себе созидательную творческую энергию, сродни солнечной, а также стихийность, свободу, желание быть вольным в проникновении во все сферы жизни, а главное — жизнелюбие. В книге «Будем как солнце» Бальмонт «страстно ищет всеединого начала, которое соединило бы в себе христианскую жертвенность, языческий пантеизм и «молчаливую» мудрость Браммы» [6]. Как нам представляется, образ Солнца, Огня, мотивы горения как раз и позволяют поэту воплотить задуманное, ибо имеют отношение ко всем выше перечисленным религиям. «В какую страну ни приедешь, - в слове мудрых, в народной песне, в загадках легенды — услышишь хвалы Солнцу», - писал Бальмонт в статье «Солнечная сила» [7].

В этих же образах реализуется и еще одна идея, а именно — идея соотнесения лирического Я поэта и Солнца как воплощения личностного, индивидуального начала и в то же время жертвенного, творящего, жизненно необходимого для других. Бальмонт словно ощущает себя полномочным представителем жизнотворческой энергии Солнца среди людей, чувствует в себе силы изменить мир, сделать его лучше, осветить творческим горением. В его сознании наконец произошло то, к чему поэт так долго стремился: соединились, гармонизировались личностное и мировое, человеческое и всеприродное. Слова древнегреческого мыслителя Анаксагора «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце», ставшие эпиграфом «книги символов», рефреном звучат в первом же стихотворении. Бальмонт уже с уверенностью прозревшего свои пути поэта заявляет: «Я заключил миры в едином взоре,/ Я востелен». Он чувствует себя не только сродни Солнцу, он стоит с ним вровень: «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,/ А если день погас,/ Я буду петь... Я буду петь о Солнце/ В предсмертный час!»

Огонь в книге «Будем как солнце» чрезвычайно многолик и «всепроникающ»: земля, воздух, вода — все расцвечено им. Стихотворение «Голос заката» рисует нам необычайной красоты «лилово-желто-розовый» «последний блик» разлитого по воздуху «золотого пожара», изменяющегося «в рядности своей» и окрасившего в золотисто-медовые цвета ветви лип и реку. Вторая часть этого стихотворения — это уже не любование солнечным закатом, а монолог от его имени, обращение к брату-поэту: «Я — отошедший день, каких немного было/ На памяти твоей, мечтающий мой брат./ Я предвечернее светило,/ Победно-огненный закат».

Мелькают солнечные оттенки — «многообразные созвучия сиянья»: «огонь рубиновый», «нежно-дымный хризолит», «блеск бездонности зеркальной», «все краски, сколько их сокрыто в силе света»... Выстраивается синонимичный ряд: солнце — огонь — день — блеск — светило — пожар — закат — хризолит — рубин — алая кровь...

Многоликость Огня воспета Бальмонтом в «Гимне Огню». Образ наделяется массой эпитетов: «очистительный», «роковой», «властительный», «живой», «бесшумный», «многошумный», «многоликий», «многоцветный», «проворный, веселый и страстный», «красный и дымный», «победно-прекрасный», «красивый», «страшный», «вкрадчивый», «вездесущий», «блестящий», «жгучий», «яростный», «багряный», «темный», «желтый»...

Бальмонт синодично видит всепроникающий Огонь, и поэтому всюду видный ряд разрастается: огонь — это «церковная свеча» и «пожар», «костер», «страшный цветок с лепестками из пламени», «вставшие дыбом блестящие волосы», «желтое пламя свечи с его голубым основанием», «быстрое сиянье зарниц», «молния» (излом и шар золотой, огневой), «хрустальность звезд», «порыв комет», «солнечный свет», «алая гвоздика», «пушистый колос», «пьяная лоза», «искра», «Змей», «двенадцатичетный алмаз», «ласкающее женских глаз», сверкающее преломление «изумрудной волны океана», «блеск росинки», «дрожащее зеленой мечты светляков», «мерцанье бродячих огней», «зажженные светом вечерним края облаков», «немеркнущий свет смерти».

Огонь олицетворяется и наделяется множеством функций: он «сжигает», «меняется», «клокочет», «трепещет», «застывает», «сверкает», «согревает», «будит», «шепчет», «тянется», «растет», «встает из тем-

ноты», «ждет», «стережет», «живет и умирает», «расплавляет», «создает и куёт», «светит», «греет», «жжет», «утешает», «горит», «блестит», «дрожит», «мерцает»...

Начиная с книги «Будем как солнце», Огонь, наряду с другими природными стихиями, прочно входит в поэзию Бальмонта. Теперь этот образ будет иметь постоянные атрибуты и узнаваемую семантическую наполненность на протяжении всего последующего как поэтического, так и прозаического творчества Бальмонта. Знакомство поэта с мировыми религиями и культурой различных стран позволяло вносить в образ Огня и Солнца новые оттенки. Солнце в культуре Мексики, Египта, Японии, Индии, при всех нюансах, все-таки имело больше общих черт, нежели отличных. Это общее как раз и убеждало Бальмонта в существовании некоего надкультурного, общемирового кода, понятного всем людям Земли. Идея неразобщенности и слиянности, близкая Бальмонту, очень естественно реализовывалась в его стихотворных и прозаических текстах.

Более поздние стихотворения Бальмонта полны ностальгического звучания, и, вспоминая родные места, поэт не может обойтись без излюбленного образа Огня. В стихотворении «Северный венец», написанном в 1925 году в эмиграции, он с болью и одновременной гордостью заявляет: «Только мы, северяне, сполна постигаем природу/ В полнозвучье всех красок, и звуков, и разностей сил». В воспоминаниях его возникает картина грозы, которую природа воспринимает как праздник. Земля и Небо словно устраивают огненную переключку, красные сполохи вверх и вниз: «*Огнергеющий мак. Тайновеющий лес в забытьи./ Полноцветное празднество молнии, таинство грома./ Вся Россия - в раскатах телеги пророка Ильи./ Вся небесная высь — в полосе огневеющей гривы...*» [8]

Становится очевидным, что Россия, российская природа воспринимается Бальмонтом через образ Огня, и ностальгические стихотворения последних лет не обходятся без него. Так, стихотворение «Русский язык» звучит как похвала родной речи, которая многообразна и многолика: в ней «взлет жаворонка *к солнцу* — выше, выше», «*свет сквозной*», «весенний луч, играющий по дверце», «канун на небе — *бег зарницы*», «*костер* бродяг за лесом, на горе», «полет *Жар-птицы*», наконец, Пушкин — «*светлый бог*» и «*молнии и громы*» завтрашнего дня.

Эта же тема продолжается в стихотворении «Моя любовь» (1926, Париж), где еще более четко проводится параллель Россия — Огонь: «*Жар-птицей* назвала себя Россия,/ И разве не *костер* — весь дом наш отчий,/ И разве не *огонь* — наш гость желанный».

«Здесь, в чужбинных днях, в Париже» дни поэта лишены огня — «дни плывут, как дым», тянутся, а сам он охвачен холодом одиночества — «я — как дух морозный», и единственная отрада — чтение книг Куприна, позволяющих «Россию чувствовать ближе». Мечты поэта и писателя тогда сливаются, сознание словно освещается — «две мечты плывут *в огне*» («Если зимний день тягучий», 1923).

К этому же периоду относится стихотворение «Разлучность», в котором образ деревьев — символ родной стороны, пронизанной солнцем: «Я с вами разлучен, деревья,/ Кругом ненужный мне Париж,/ А там, где вы, вдали, кочевья/ Звонящих пчел, улыбка девья/ И *солнце* — праздник каждодневья».

Ощущение близости собственного заката, остывания творческого горения, страх перед ним воплощается Бальмонтом с помощью образов мглы и воды,

гасящих, поглощающих День-Огонь: «Еще горит мой день, но мгла вечеровая/ Океанически влилась в пожары дня» («Воскликновение»). Свое состояние изгнанника Бальмонт воспринимает как «нерассекаемую полночь», поглотившую «свет желанный».

Становится очевидным, что с образом Огня творчество Бальмонта было связано от начала до конца. Его поэзия сродни этой стихии: робкие и неосознанные обращения к Огню в начале творческого пути превратились со временем в настоящее и искреннее солнце и огнепоклонничество. Довольно длительный период продуктивного поэтического горения Бальмонта подарил нам множество самых различных воплощений этой родственной поэту стихии. Изгнанничество же, вынужденное отлучение от родной страны постепенно сводят на нет мотив горения, все реже упоминается житетворческий Огонь, чаще звучат нотки уныния, разочарования, тоски, связанные с мотивом угасания, заката, пепелища.

На наш взгляд, образ Огня очень органично воплощен в творческом наследии Бальмонта, его природа не нарушена, а напротив, тщательно соблюдена. Автору удалось представить подлинную природу стихии Огня. Многочисленные ее воплощения — от мирового Огня до призрачных болотных огоньков, от Огня испепеляющего до Огня животворящего — реализованы Бальмонтом с удивительным мастерством. Рисуя многоликий образ

стихии, он все-таки подает Огонь как часть стройной мировой системы, как один из необходимых элементов «четверогласия стихий».

Библиографический список

1. Гершензон М. Гольфстрем. /Лики культуры. - М., 1995. С. 11.
2. Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Поэт Константин Бальмонт. Биография, творчество, судьба. Ивово, 2002. С. 468.
3. Там же. С. 83.
4. Белый А. Символизм как миропонимание. - М., 1994. С. 402.
5. Бальмонт К. Солнечная сила/ Бальмонт К. Стихотворения. - М., 1989. С. 533.
6. Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Поэт Константин Бальмонт. Биография, творчество, судьба. Ивово, 2002. С. 136.
7. Бальмонт К. Солнечная сила/ Бальмонт К. Стихотворения. - М., 1989. С. 533.
8. Бальмонт К.Д. Стихотворения. - М., 1990. С. 315.

СКОК Тамара Николаевна, старший преподаватель кафедры гуманитарного образования.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.12.2006 г.

© Скок Т.Н.

Научная книга на постсоветском пространстве

Научная книга на русском языке как отражение геополитических реалий

На планете в той или иной мере русским языком владеет около полумиллиарда человек, при этом 350 млн — за пределами России. Судьба русского языка волнует многих людей, прежде всего, тех русских и русскоязычных людей, которые после распада Советского Союза оказались за пределами России. Русский язык в сфере общественных коммуникативных функций в 1990-е гг. постепенно сдавал свои позиции на постсоветском пространстве. Однако нашлось немало ситуаций, когда именно русский язык оказался незаменим. Прежде всего в контактах людей разных национальностей (исключая русскую), проживающих в регионе. На русский язык осуществляется большинством переговоров, пресс-конференций при визитах в государства Центральной Азии разного ранга гостей из дальнего зарубежья, а при визитах из стран СНГ все просто пользуются русским языком. Большинство приезжающих из дальних стран дипломатов и предпринимателей либо сами знают русский язык, либо привозят с собой переводчиков со своего языка на русский. Количество телепередач на русском языке возрастает. Возникла закономерность: новые издания культурно-идеологической направленности, субсидируемые государством, выпускаются, как правило, на национальном языке, а рекламно-информационной, экономической, предпринимательской, общеинформативной и развлекательной направленности по инициативе «снизу, — на русском.

В России статус русского языка постепенно стал трансформироваться от всеобщего, а значит и ничейного, в ранг государственного и охраняемого. А в Центральной Азии тенденция периода «перестройки» к усилению роли национального языка уступила место толерантному отношению к русскому языку как ситуационно необходимому.

Сотрудники Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (Новосибирск) ведут изучение истории и современных аспектов социального бытования научной книги на русском языке за пределами Российского государства. Такие исследования обусловлены не только задачами узкоспециального историко-книжного характера, но и масштабными общественно-политическими обстоятельствами. Исследование ведется на материалах Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Практика выпуска научных изданий на русском языке в конце XX - начале XXI века является важнейшей частью истории русского печатного слова в Центральной Азии.

*Елепов Борис Степанович, г.т.н., проф., директор ГПНТБ СО РАН.
По материалам выступлений на II Междунар.науч. конф.*